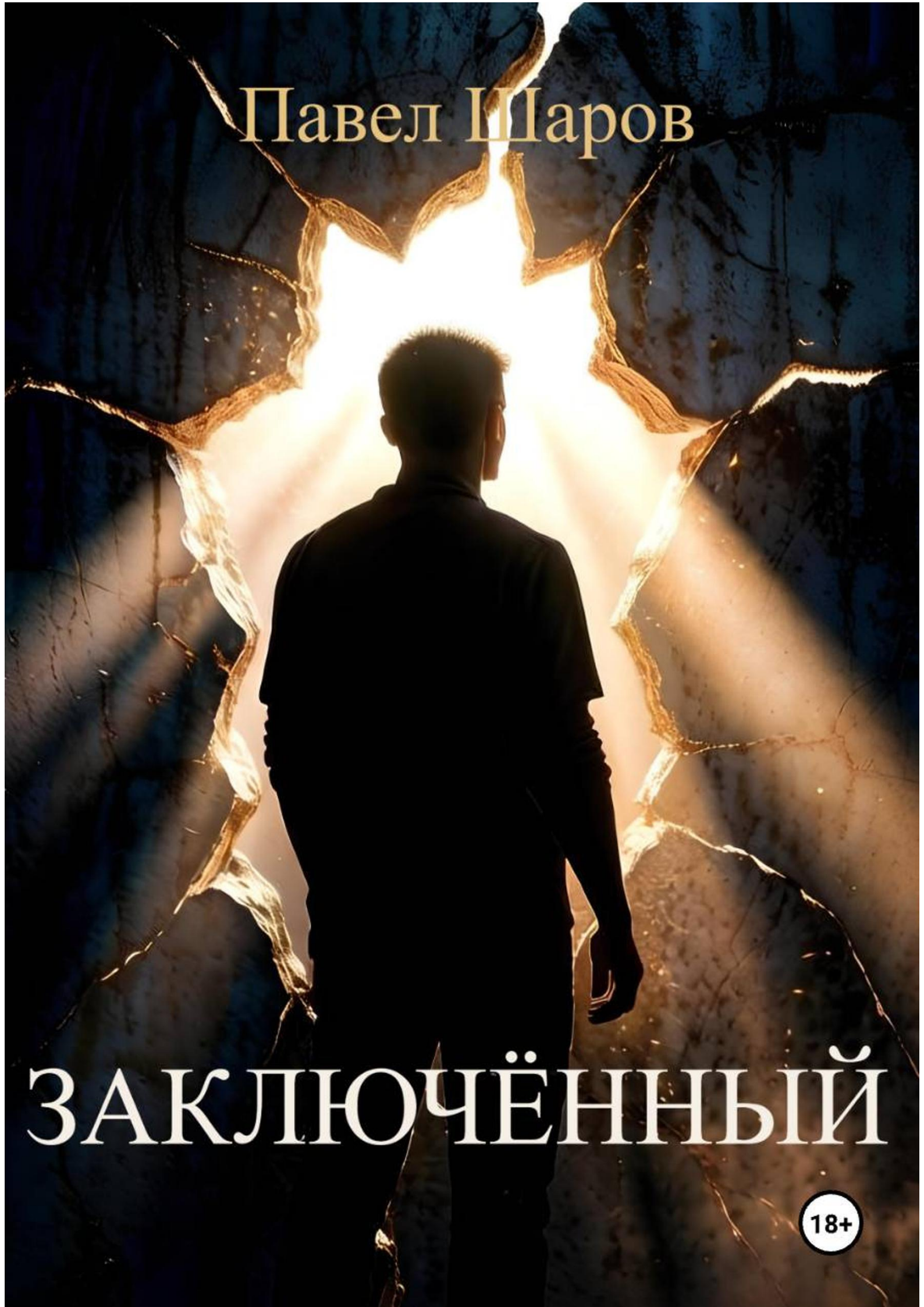

Павел Шаров
ЗАКЛЮЧЁННЫЙ
18+

Павел Шаров

Заключённый

«Автор»
2026

Шаров П.

Заключённый / П. Шаров — «Автор», 2026

Стены, которые мы строим внутри себя, прочнее любого бетона.Восемнадцатилетний боксёр из Петербурга Сергей привык решать любые вопросы силой, но лихие девяностые в один миг обрываются приговором: двадцать лет особого режима на крайнем Севере. В ледяном аду тюремного изолятора он сталкивается со Старшим — загадочным лидером зоны, который способен остановить разъярённую толпу одним словом и нанести удар, не касаясь противника. Под его руководством начинается жёсткая школа работы над телом и сознанием. Но чем глубже Сергей погружается в тайны восприятия, тем больше странностей замечает вокруг. Какая пугающая истина скрывается за стенами его собственной памяти?

© Шаров П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора 6
Глава 1. ПРИЁМКА 7
Глава 2. ЭТАП 11
Глава 3. В ИЗГНАНИИ 20
Глава 4. В ЗАПЕРТИ 24
Глава 5. ЧУДЕСА ЗА РЕШЁТКОЙ 27
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Павел Шаров
Заключённый

Павел Шаров
ЗАКЛЮЧЁННЫЙ
Психологический триллер-притча
Санкт-Петербург
2026

18+
Шаров, Павел.
Заключённый: психологический триллер-притча / Павел Шаров. — Санкт-Петербург, 2026. — 220 с.

Стены, которые мы строим внутри себя, прочнее любого бетона.

Восемнадцатилетний боксёр из Петербурга Сергей привык решать любые вопросы силой, но лихие девяностые в один миг обрываются приговором: двадцать лет особого режима на крайнем Севере. В ледяном аду тюремного изолятора он сталкивается со Старшим — загадочным лидером зоны, который способен остановить разъярённую толпу одним словом и нанести удар, не касаясь противника. Под его руководством начинается жёсткая школа работы над телом и сознанием. Но чем глубже Сергей погружается в тайны восприятия, тем больше странностей замечает вокруг. Какая пугающая истина скрывается за стенами его собственной памяти?

Все персонажи и события в этой книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Книга не содержит призывов к употреблению запрещённых веществ, алкоголя или табака, а также не пропагандирует какие-либо действия, противоречащие закону. Все рассуждения персонажей — их личные взгляды и не отражают позицию автора. Это художественное произведение.

© Шаров П., 2026

Предисловие от автора

Здравствуй, дорогой друг!

Перед тобой необычная, на первый взгляд совершенно нереальная история. И хотя в любом вымысле есть крупица правды, здесь тебе предстоит лицом к лицу столкнуться со сверхъестественным, а порой — почти сказочным и волшебным.

Я учёл пожелания читателей моего первого рассказа, поэтому вторая книга обойдётся без долгих абстрактных рассуждений. Я постарался сохранить чистую динамику и сделать всё так, как ты просил. Ну а что из этого получилось — решать только тебе.

Я пишу для таких же, как и я сам, — для людей ищущих, сомневающихся, до конца не определившихся в том, чего они хотят от жизни и в чём её истинный смысл. Возможно, именно на этих страницах ты найдёшь ответ на мучивший тебя вопрос. А ещё лучше — если сам догадаешься, что к чему.

Это повествование о человеке, потерявшем волю. История о Сергее, а точнее — о самой природе свободы. О том, как легко её лишиться и возможно ли оставаться свободным, находясь в глухом заточении. Я расскажу обо всём от первого лица, без прикрас. Обещаю, что детали будут суровыми, жизненными и вдохновляющими. Надеюсь, что этот труд кому-то поможет, а кого-то, возможно, убережёт от роковой ошибки.

Пусть моя книга станет глотком чистого воздуха для тех, кто сейчас заперт в четырёх стенах или в плену собственных мыслей и не может позволить себе выйти за пределы привычного. Но знай: если внутри тебя горит истинное стремление, то любые оковы падут и свобода станет реальностью.

Предупреждаю: на страницах этой книги присутствует жёсткая уличная речь и суровый язык закрытых учреждений, а темы поднимаются слишком взрослые. Если тебе ещё нет тридцати, возможно, читать её пока рано — ведь для понимания всей серьёзности здешних мыслей нужно сначала пройти определённый жизненный путь.

* * *

Начиналось всё так. В летнем кафе, после очередной бессонной ночи, за уставленным спиртным и закусками столом одиноко отдыхал Сергей…

Глава 1. ПРИЁМКА

Всегда сложно признаться, кто ты есть на самом деле. Но сейчас мне нечего скрывать, и настало время рассказать, что же произошло со мной и как я докатился до такой жизни.

Мне было восемнадцать, я был молод и не по годам силён. Родом из Ленинграда — про таких, как я, говорили: «дети асфальта».

Мне досталось сполна — выпало застать худшую пору. После краха СССР прежний уклад рухнул, а нравственность была попрана. Казалось, что богатства народов, населявших страну, распродают за бесценок, а все сбережения простых работяг сгорели в одночасье. Было ощущение, что народ в очередной раз обманули, а страну рвут на части.

На улицах — стрельба, тотальное безразличие и повсеместный переход на блатные понятия. Уличные группировки, отморозки, спортсмены — всё перемешалось в один безумный коктейль. Население вымирало: кого-то косил палёный алкоголь, кого-то уничтожала хлынувшая в страну всякая привозная отрава и прочая дрянь. А тут ещё и война где-то на окраинах…

В стране творился хаос, который кого-то очень сильно устраивал. И в этот самый момент мне пришла повестка в армию. Сходил в военкомат проверить годность, а меня решили без лишних разговоров уже на следующий день отправить в район боевых действий. Неожиданно, жёстко и совершенно не вовремя — я ведь из-за постоянных тренировок и уличной жизни остался в школе на второй год и ещё доучиться не успел. Думал, не станут трогать, пока не получу аттестат.

К тому времени я уже лет десять плотно занимался боксом и бегал как метеор, поэтому долго не думал — просто сбежал прямо из военкомата. Проскочил через несколько постов конвойных, каждый из которых мечтал меня захомутать, и поминай как звали.

Мне вообще везло: всю жизнь удавалось ускользнуть в последний момент и остаться при своём. Наверное, я был упрямым оптимистом и каждый божий день встречал с готовностью ко всему. К тому же при росте под метр семьдесят я был отлично прокачан: широкие плечи, мощная грудь, крепкие ноги — настоящий комок мышц. Я не хвастаюсь, просто констатирую факт — я был хорош и не видел перед собой преград.

Многое зависит от того, на что уходило время в детстве. Пока одни залипали в книжках, а другие пропадали во дворах, я фактически жил в спортивном зале. Мой привычный график тогда выглядел просто: днём — учёба, вечером — изнурительные тренировки.

Но на дворе стоял 1996 год, и оставаться в стороне от происходящего не получалось. Если ты хотел что-то взять от этой жизни, действовать нужно было дерзко, нагло. Так я с головой окунулся в изнанку этого города. Выбрал свой собственный, опасный уличный путь. Мне тогда казалось, что если сама система с детства учит нас обходить её законы, глупо требовать от человека, чтобы он вырос законопослушным гражданином. Сейчас я понимаю, что это было лишь оправдание для самого себя. Ночью, пока Питер спал, у меня начались совсем другие дела.

Именно поэтому у меня в карманах всегда водились деньги. Но я, в отличие от многих, никогда не спускал их в автоматы, зная, что любые азартные игры, будь то ставки в казино или лотереи, — это обман, вытягивающий из людей последнее. Я искренне не понимал тех, кто пытается заработать, ничего не делая. Было же очевидно, что тебя кинут. Почему люди настолько слепы?

А теперь я лежал лицом в пол, улыбался и ещё совершенно не понимал, что доигрался. Что в ближайшее время моя жизнь изменится коренным образом.

Ведь всего каких-то пару часов назад я отдыхал и радовался жизни. Ночью мы с дружбанами провернули очередное дело и теперь заслуженно прожигали неплохой куш, наслаждаясь тёплым летним утром…

Меня подняли на ноги, заковали в наручники и повели к моему дому. Тогда я ещё не догадывался, какой финал мне приготовили.

У дверей квартиры стояли несколько человек в зелёной форме. Сразу стало ясно — из военкомата. «А ведь они уже с самой весны гоняются за мной, — пролетела мысль. — Добегался, Серёжа!»

Выбор у меня был простой: или тюрьма, или армия. Но я знал, что тогда творилось в частях и куда меня отправят. Поэтому ответил прямо:

— Я дедовщину не выдержу. Загублю души.

Меня тут же принялись дубасить, причём военные били сильнее и отчаянней, чем менты. Я удивился и чуть не рассмеялся от дикости происходящего. Но сдержался, понимая, что только раззадорю их, и тогда им будет намного сложнее остановиться.

После меня завели внутрь квартиры. Начался обыск. На кухонном столе откуда-то появились два больших свёртка с непонятным порошком. Как они там оказались — для меня до сих пор загадка. Однако менты без всяких экспертиз прямо на месте определили и состав, и вес. Похоже, всё было решено заранее.

Через полчаса я уже сидел в отделении милиции, прикованный к батарее. Запястья неимоверно выламывало. Синяки и ссадины от побоев покрывали всё тело, но моя широкая улыбка, слегка приплюснутый боксёрский нос и горящие карие глаза были целы — ни один удар их не потревожил. Я умел не только сильно бить, но и грамотно закрываться.

На допросе опер предложил взять на себя парочку «глухарей» в обмен на обещание устроить более-менее тёплое местечко на зоне.

Как сейчас помню свой ответ:

— Готов взять на себя все нераскрытые убийства, совершённые до моего рождения!

В ту же секунду я получил удар рукояткой пистолета Макарова по голове и отключился.

* * *

Очнулся я уже в следственном изоляторе, откуда после суда меня должны были отправить на зону. Как я туда попал, до сих пор не понимаю.

Камера, в которую меня определили, была сущим адом. В десятиметровой бетонной коробке, рассчитанной на шестерых арестантов, локтями толкались больше двадцати человек. Точное число назвать сложно — одних увозили на этапы, тут же заводили новых. Тусклая лампочка, шесть шконок и крошечное окно в решётках. Спали строго по очереди. У потолка плотным слоем стоял вечный сигаретный дым, а влажность была невыносимой. Конец августа, в Питере обычно уже свежо, но то лето выдалось аномально жарким.

Именно там я впервые увидел, как заживо гниют люди. От сырости и грязи кожа покрывалась волдырями, которые лопались и превращались в сплошную язву. В замкнутом пространстве от удушья и нехватки витаминов организм сдавал за недели. Первыми посыпались зубы — они дико ныли, откалывались или крошились прямо во время еды.

Всех вокруг трясло от одного упоминания о северных зонах особого режима. Но я тогда глупо верил в себя и не понимал, чего они так боятся и какая разница, куда тебя направят. Мне казалось, что только так, пройдя через крайние испытания, можно проверить, на что ты способен на самом деле. До сих пор в жизни мне всё сходило с рук.

Тюремные недели я вспоминаю как сплошной кошмар ещё и потому, что переносил их в жуткой ломке. На воле я слишком плотно сидел на этой отраве. В погоне за иллюзиями с

каждым днём я погружался всё глубже в невидимую трясину, финал которой всегда один — кладбище или безымянная могила на окраине леса.

И хотя я понимал, что эта отрава убивает, выбраться из этого ада самостоятельно уже не получалось. Тут важно вовремя остановиться. Но я не мог. Меня слишком сильно засосало.

В восемнадцать кажется, что ты бессмертен или, наоборот, мечтаешь красиво сгореть молодым. Но когда удавка затягивается, спесь сбивает моментально.

Мне пришлось ломаться насильно, под замком. Я относился к числу тех, кого обстоятельства заставляют измениться на коленях, поэтому бросать пришлось наживую. Тот ложный, призрачный покой, который даровал дурман, не стоил и секунды последующего ада. Невозможно описать эти страдания — это была боль не тела, а выворачиваемой наизнанку души. Мерещился такой бред, крутило так, что казалось, ещё чуть-чуть — и не удержишься, шагнешь в бездну. И таких сломавшихся я знал лично…

Именно в те дни мне впервые стали сниться кошмары, когда я просыпался в холодном поту, в смятении и страхе. Всё виделось мутно, какими-то обрывками: то нечеловеческие крики, то искажённые лица, то драка… Короче, пурга.

Где-то через неделю, когда рассудок немного прояснился, нахлынули воспоминания о том, как в компании из девяти человек я впервые попробовал эту отраву. Не ради бравады и не из-за девчонки. Просто уличная среда сама подтолкнула. Алкоголь и траву тогда многие считали нормой, а вот вещи посерьёзнее — признаком «крутизны», они ставили тебя над толпой. Я тоже так думал. Теперь понимаю, насколько это было глупо. Но я втянулся, совершенно не думая о том, к чему это приведёт. Последствия меня не волновали — в морг заглядывать не хотелось, да и не в том возрасте я был, чтобы разумно размышлять. Теперь я осознаю, какой глупостью было разрушать собственный организм ради мнимого авторитета.

Надеялся, что следствие затянется до весны 1997 года, но система сработала на редкость быстро. Суд состоялся всего через три недели. Приговор ударил обухом по голове: двадцать лет особого режима. Двадцать долгих лет! Сказать, что я был ошарашен — не сказать ничего. Но до конца масштаб катастрофы я так и не осознал. В зале суда продолжал улыбаться, подмигивал пацанам через решётку, мол, прорвёмся.

По дороге назад, в окне автозака, я в последний раз увидел волю. Смотрел на прохожих, на пролетающие машины, на свой родной и любимый, залитый солнцем город. На несколько минут показалось, что я всё ещё на свободе.

А потом меня привезли обратно.

Я вошёл в камеру. За мной захлопнулась тяжёлая дверь. Глухой, леденящий лязг железа о железо отозвался во всём теле. И вот тогда меня накрыло окончательно. Только в эту секунду я понял: я больше никогда не выйду отсюда молодым.

Пространство сжалось. Я будто оказался в подводной лодке, запертой на самом дне океана. Воздух мгновенно кончился, стало трудно дышать, перед глазами поплыли чёрные пятна. Земля ушла из-под ног, я начал падать, но не упал. Сокамерники среагировали мгновенно — подхватили под руки, усадили на табурет.

Они ничего не спрашивали, просто молча смотрели. Каждый из них когда-то точно так же падал на это дно.

Вот тогда до меня впервые дошло: провести двадцать лет в изоляции — это отдать половину человеческой жизни. Весь этот огромный срок предстояло провести без единого глотка настоящей свободы.

Но страх уступил место спортивной злости. В голове закрутились другие вопросы: как выжить? Как себя поставить? Как сохранить форму в этих четырёх стенах? Как наладить быт, раздобыть чай и сигареты? Ведь я уже давно забыл, каково это — быть абсолютно трезвым. Я туманил свой разум как и чем мог. Молодой и растущий организм переносил всё.

Теперь я знал: прежняя жизнь мертва. Но по-настоящему болело только одно. Мама. Как она перенесёт этот удар? Ведь матери всегда забирают нашу боль себе.

Перед тем как отправиться на этап, туда, где меня ждали полярные морозы, я в последний раз посмотрел через решётку на одинокое дерево в прогулочном дворе. На его листья падали золотистые лучи уходящего лета. Я кожей чувствовал их далёкое тепло, но шагнуть к ним уже не мог. В тот момент мне стало ясно, что же я натворил и что дороги назад нет! Мой запас удачи был исчерпан.

Глава 2. ЭТАП

На зону я ехал в вагоне без окон — «столыпинском». Поезд шёл медленно, со множеством непонятных остановок, под хриплый визг тормозов. Будто это была последняя передышка перед нечеловеческими испытаниями. В нём везли только тех, кто получил строгий или особый режим. Вагоны были разбиты на узкие отсеки. В секции для строгого режима шконок было девять, но туда забивали по тридцать человек. Нас же, осуждённых на особый режим, ехало всего шестеро.

Всё было серьёзно: двойной контроль, множество железных решёток и замков. При каждом неверном движении следовал удар резиновой дубинкой по хребту или ногам. И постоянные проверки — по пять-шесть раз на дню. То ли издевались, то ли пытались компенсировать собственную ущербность, то ли готовили к ещё большим испытаниям. А их крики: «К стене!», «Руки на стену!» — громкие, лающие, аж до мурашек по коже. Надзиратели долго гремели ключами, один цедил другому: «Следи за ним», и только после этого открывал засов на решётке.

Каждая такая проверка ненадолго превращала вагон в суматоху: лязгали замки, хлопали двери отсеков, заключённых заставляли вставать, выворачивали карманы, ощупывали одежду. Потом всё снова стихало, и поезд продолжал ползти вперёд.

Мне повезло: вместе со мной в отсеке ехал только один человек. Плешивый седой старичок с прищуренными глазами. Его чёрная потрёпанная одежда чем-то напоминала форму военнопленного — без погон, шевронов, звёздочек и прочей атрибутики. Обычный старик, как божий одуванчик, про такого и не подумаешь, что он преступник. Но в жизни всё бывает. Оставалось только догадываться, что же он натворил.

В какой-то момент состав резко дёрнулся и остановился. Где-то в соседнем вагоне загремели двери, послышались крики. Потом снова лязгнули засовы, и поезд медленно тронулся.

— Хороший сегодня день, — начал издалека незнакомец.

Я поёжился от холода, но бодро кивнул.

— Вижу, ты первоход? — спросил он.

— Получается, так, — ответил я, стараясь проявить уважение и хоть немного разговориться с соседом. На вид он казался обычным, неприметным стариком.

— Меня зовут Немец, — представился старик и протянул руку.

И только тогда я заметил на его ладонях странные чёрточки, какие-то знаки. Я про них ни слухом ни духом, ничего не понимал. Но почему-то нутром чувствовал: к этому человеку стоит прислушаться.

— А я — Серёга, — ответил я и пожал его худую, мозолистую кисть.

— Малец, а как тебя сюда угораздило попасть?

— Да понимаешь… были проблемы… — я замялся, пытаясь подобрать нужные слова.

— И что? Ты будто особенный? У всех в жизни сложности. Это не причина.

— Так а что тогда? — удивлённо спросил я.

— Дело в тебе. Подумай. Поразмышляй. Ответ придёт с пониманием.

Состав со скрежетом замер, и нас качнуло вперёд. Где-то далеко хлопнула дверь.

— Стоянка? — спросил я.

Старик пожал плечами:

— Здесь никогда не знаешь.

Немец немного помолчал, устроился поудобнее и посмотрел на меня прищуренными глазами.

— Ты молодой. У тебя ещё всё впереди. А ошибки… они совершаются по незнанию. Каждому человеку, чтобы поумнеть, надо съесть своё количество грязи. Одним достаточно ложки, а другим мало и бочки. Такие всю жизнь совершают роковые промахи, будто бессознательно получают от неприятностей удовольствие, как запрограммированные. А потом жалуются на свою жизнь и грузят других своим негативом. Но мы не лучше, если находимся здесь. Как же неприятно это признавать…

Он опустил голову, посмотрел вбок и лишь потом продолжил:

— При таком положении вещей ум предлагает кучу оправданий: почему то или это не получилось, не срослось, не вышло. И так будет продолжаться до самой смерти, пока ты не возьмёшь контроль над своими мыслями и своей жизнью. Надо брать ответственность, а не пенять на обстоятельства. Я вот юмор люблю. В жизни выручает. Принимай всё с улыбкой, Серёга. В заключении это спасает.

— Немец, а как себя вести на зоне? Там же столько правил. Подскажи.

— Ничего мудрёного нет. Перво-наперво научись следить за базаром. На зоне за каждое слово цепляют. Когда ты слишком болтлив, то опасен не только для окружающих, но и для себя: если не кого-то подставишь, то сам себя под монастырь подведёшь. Иногда лучший ответ — это молчание. Чем больше молчишь, тем дольше и спокойней живёшь…

Старик на мгновение замолчал, почесал подбородок и добавил:

— И ещё: когда едят, нельзя ходить в отхожее место. За это жёстко спрашивают. А после туалета обязательно помой руки, или хотя бы ополосни пальцы водой — обозначь чистоту.

Он говорил спокойно, без лишних эмоций, будто перечислял давно выученные правила. Я внимательно слушал, запоминая каждое слово — ведь от этих мелочей теперь зависела моя жизнь.

Поезд стал медленно останавливаться. Я пытался понять, где мы находимся, пока что я ещё различал станции, остановки, направление движения. За дверями отсека снова заскрежетал металл, послышался лающий окрик конвоя, и один из охранников грубо рванул засов на очередной решётке.

После досмотра и минутной паузы Немец неожиданно сменил тему:

— В мире происходит нескончаемый процесс войн. Нас постоянно пытаются поссорить, и всё ради наживы. Деньги — вот корень зла. На тропе корысти дельцы готовы выжать все силы из народа, изъяв богатства страны через ссудный процент. Им нет дела до людей, они пользуются враньём. А обман просто так не вытравливается — он уже будто на генетическом уровне в крови.

Он говорил всё увереннее, постепенно увлекаясь собственной мыслью.

— Наука ограничена рамками, медицина низвергнута для снятия симптомов, а хозяйство оторвано от реальности. В Союзе такого бардака не было… А история? Если призадуматься, мы знаем правду не более чем за полвека, остальное покрыто туманом. Прошлое в очередной раз подменено. Мир перевёрнут с ног на голову. Ложь выдаётся за правду в извращённой форме. Народ нагружают бытовухой, рекламой, кредитами…

Старик покачал головой.

— В долг жить нельзя. Он тянет вниз. Грабёж обоснован как законное дело. Они будут оправдываться. Оправдать можно всё что угодно, но последствия… О них не думают. А они обязательно наступят.

Он ненадолго замолчал, посмотрел куда-то в сторону и уже тише произнёс:

— Я долго живу и многое видел. И перед моими глазами очередное потерянное поколение… Разве это жизнь? Существование. Большинство хочет стать торговцами, обманщиками. В мире корысти нет ничего человеческого. Эгоизм растёт пропорционально технологиям. Но все нечистые деньги выйдут боком. За народ больно… А ведь мы могли воспитать прекрасное

поколение — честных и порядочных людей, любящих Родину, природу, русский язык, почитающих и уважающих старших.

Я кивнул, хотя разговоры о власти были мне не особо интересны. В голове крутились лагерные страшилки, которые я слышал в тюрьме. Старик говорил, а я думал о том, что скоро увижу зону.

— Я знаю, ты боишься, — произнёс Немец, будто прочитал мои мысли. — Думаешь, что уже не будет так хорошо. Но поверь мне, ты ещё многого не испытал, а это можно получить, лишь изменившись. Бросай вредные привычки, не задумываясь. Я сам через это прошёл и прекрасно тебя понимаю. Жизнь намного интереснее, чем ты сейчас думаешь. И чем тяжелее условия, тем больше возможностей сделать рывок в своём росте и в своих уроках. А тот, кому неинтересна жизнь, просто её не понял.

В очередной раз за спиной загремели замки. Немец даже не поднял головы. Только усмехнулся:

— Привыкай. Здесь тебя будут проверять чаще, чем на воле здороваются.

— Ты такой спокойный, — заметил я. — Совершенно не беспокоишься о будущем. Тебе вообще не страшно?

Он улыбнулся и ответил:

— У меня была насыщенная жизнь. Я многое повидал, побывал в разных переделках. Прошёл сложный путь. Были и серьёзные эмоциональные потрясения, и зависимости, настоящие. Но я смог разобраться со всем. И сейчас я более свободен, чем люди на воле.

За дверью коротко переговаривались надзиратели. Засов с лязгом отлетел — началась очередная проверка. После досмотра поезд снова тронулся.

Немец немного рассказал о своей работе кочегаром на корабле, грузчиком, рабочим на заводе… Но почему его кликали Немцем, так и не раскрыл.

Незаметно наступил вечер. Старик пожелал спокойной ночи, закутался в тяжёлое суконное одеяло и отвернулся к стене. Я же лежал возбуждённый, прокручивая в голове его слова.

Поезд снова замедлился. Где-то далеко хлопнула дверь, звякнула связка ключей. Потом всё стихло.

«Ну хоть не новый обыск», — подумал с облегчением я и только сейчас заметил, что за весь день не выкурил ни единой сигареты. При этой мысли мне неимоверно захотелось затянуться — аж пальцы задрожали. Но курева не было. Оставалось терпеть.

Я решил поскорее отключиться, чтобы перебить желание, и стал мечтать о том, как выйду на волю и ни в чём не буду себе отказывать. Несмотря на ночной грохот колёс, я незаметно уснул.

* * *

На второй день пути утром я внезапно проснулся от резкого толчка, поезд остановился и опять загремели засовы. Началась очередная проверка. Я уже начинал ненавидеть этот звук.

Когда всё закончилось, я продолжил разговор с Немцем.

— А ты не служил? — спросил старик.

— Нет, — отозвался я. — У меня слишком много знакомых вернулось покалеченными из армии. Одного комиссовали через полгода: деды так издевались, что парняга стал зрение терять, а через два года полностью ослеп. Вот так отдал долг Родине. Поэтому я и не пошёл. Я человек мирный, но никому не дам издеваться над собой. Хотя, если нападут на Родину, всегда помогу…

— Да, времена сейчас лихие, — вздохнул сосед, устремив взгляд вверх. — Был у меня случай в молодости…

Он ненадолго замолчал, будто перебирая в памяти давнюю историю.

— Парнишка, здоровый, крепкий, отчаянно хотел служить. Пришёл в военкомат, а ему — отворот-поворот. Человек расплакался, что не попал в армию. Так искренне хотел служить… Жалко было пацана. А оказалось, что мать подставила его: скрыла, что подделала документы и сама поставила его на учёт в психдиспансер. Боялась, что он в армии пропадёт. Вроде как переживала за кровиночку свою.

Немец тяжело вздохнул.

— Только кто знает, что ждёт впереди? От судьбы ведь не уйдёшь: что на роду написано, то и получишь. Что ни делай… В итоге матушка так ему жизнь искалечила, что потом никуда было не устроиться с волчьим билетом. Вот тебе и медвежья услуга.

В этот момент вагон сильно дёрнуло. И откуда-то повеяло запахом табака.

Мне снова дико захотелось курить.

Старик всё понял без слов. Молча достал пачку папирос из внутреннего кармана шинели. Я удивился: при мне он не курил.

— На вот, бери, — произнёс он и протянул мне папиросу и спички.

Я быстро схватил бумажную гильзу, прикурил, пряча огонёк в ладони. Горький, плотный дым обжёг лёгкие. Голова слегка поплыла. Страх на несколько минут отступил, уступив место тяжёлому, обманчивому забытью — но в тот миг даже эта суррогатная радость казалась мне единственным спасением.

— А что ещё расскажешь про зону? — спросил я уже спокойнее.

— Самое главное — остаться человеком. Даже если будешь страдать, будут бить, унижать, оскорблять… На зоне много способов выживания. Можно быть мразью и нормально существовать. Некоторые там как рыбы в воде — приспособленцы. Чем больше ты мразь, тем выше тебя поднимает тамошняя система. Они распоряжаются, потеряв совесть, тем, за что потом придётся расплачиваться. Они уже потеряны. Но ты, как я чувствую, мыслишь по-другому. Ты из другого теста. Именно поэтому я с тобой так откровенен.

Немец ненадолго замолчал, потом продолжил:

— Да, мы, заключённые, не святые. Может, в нас заложена эта агрессия, эта злость, эта способность перешагнуть через принципы и человеческие законы, многие из которых, кажется, назло направлены против людей и страны в целом. Но это политика. Там таких шустрых, как здесь, тоже хватает…

Он покачал головой, а я слегка отвернулся, показывая, что мне подобные разговоры не интересны.

— С развала Союза живой, настоящий человек идёт на убыль. Каждый стал сам за себя. Раньше была общая идея, задачи были ясны и близки сердцу. А сейчас кричат о свободе. Но свободы как не было, так и нет. Мы всё так же остались крепостными — людьми, запертыми в рамках условностей. Есть тысячи причин, создающих иллюзию свободы. Та изначальная свобода в нашем трёхмерном мире не существует. Единственное, что даровано каждому от рождения, — свобода выбора и свобода творчества. Это главное. Это надо понять, а не копаться не пойми в чём.

Сосед посмотрел на меня. А я не понимал, о чём он толкует.

— А если в бытовухе погряз, то и философия бытовушная. Ложь вокруг людей больше, чем можно представить. Ты это поймёшь. В назначенный час тебе откроется нечто.

И опять резкая остановка. Из соседнего вагона донёсся чей-то крик. Потом грохот железа и приглушённая ругань. Немец никак не отреагировал.

Я прислушался.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Здесь быстро привыкнешь.

— Говорят, в двухтысячном году всё закончится, — спросил я, решив сменить тему. — Как думаешь, правда?

— Рассуждения о конце света бесполезны. Одно надо уяснить: у природы своё развитие. Я давно понял, что нагоняемые страхи о метеоритах, озоновых дырах, изменении климата во многом беспочвенны. От метеорита нет защиты, а выбросы в воздух ничтожны по сравнению с подводными вулканами. Но это лишь ещё раз подтверждает: мы неразрывно связаны с природой. Зачем же её загрязнять? Надо думать о земле, грамотно её возделывать, не засорять воды, а очищать их от уже имеющихся вредных и искусственных веществ. Мы сами себя гробим. Пойми, этой цивилизации придёт конец, если так будет продолжаться. Необходимо измениться. Изменить отношение, увидеть больше и ярче, научиться яснее видеть окружающее.

Старик опять ушёл в нравоучения. Я уже смекнул, что его клинит в эту сторону и в конце концов всё сведётся к политике и к тому, как раньше было здорово. В голове мелькнуло: «У людей с возрастом макуху иногда так несёт… туши свет». Но слушать его всё-таки было интересно, пусть порой и занудно.

И опять поезд притормозил. За день нас проверяли уже который раз. Ключи, засов, крик, обыск — и снова скрежет железа. Через некоторое время я перестал их считать и перестал понимать, где мы находимся. Остановки стали сливаться одна с другой.

— Воспитание — самое главное, — продолжил Немец как ни в чём не бывало, — Самые сильные привычки закладываются в детстве. А где фундамент? В семье. Как с человеком общаются в малолетстве, как его воспитывают, так он потом и живёт. Мы повторяем глубоко внедрённые программы и действуем по шаблонам. Чтобы измениться, надо думать, проникнуть в суть, открыть её. А чаще сначала приходится ломать то, что уже засело внутри.

Он ненадолго замолчал, словно подбирая следующую мысль.

— Сейчас с малолетства глушат ментальные способности. В детском саду начинается самая серьёзная ломка сознания. В школе детей перегружают ненужной информацией, заставляют заучивать бессмысленное. Добавь телевизор, журналы, рекламу — и в голове получается каша. Все, кому не лень, пользуются их неопытностью, максимализмом, попытками выразить себя, сопротивлением устоявшимся нормам… И что в итоге? В кого превратили детей?

Немец нахмурился. Я же откинулся назад к стенке и расслабился, понимая, что его продолжает нести и слушать придётся ещё долго.

— Многие уже настолько похожи, что не поймёшь — парень или девушка. Иногда кажется, что человечество бегом приближается к пропасти небытия. Людей водят за нос, предлагают кучу сложных, противоречивых теорий, чтобы окончательно запутать и вызвать отвращение к поиску правды. Живём в тотальном мире лжи. И это создавалось давно и продолжает усложняться: запутывают историю, науки, не говоря уже о настоящей философии и истинных знаниях.

Из соседнего отсека донеслось:

— Руки на стену!

Я замер, а старик даже не прервался.

— Врали ещё нашим предкам. Учителя, слепо веря своим заученным книгам, подменённой истории и наукам, передавали это нашим дедам и отцам. Их так обработали, что мы до сих пор видим эту закрепощённость и эти рамки. Но самое главное — мы сами погружены в подобное. Родители по невежеству воспитывали нас, ведь их тоже запутали. Они не виноваты. Если придёт понимание — тогда мы их простим. Нам тоже долбили в голову много бесполезного. Всё детство изо дня в день вливают в уши дезинформацию. В голове куча хлама. Мир не такой, каким его пытаются вколотить в наши башки. Про историю я вообще молчу…

Его лицо на миг стало печальным, потом отрешённым. Он замолчал и медленно повернулся ко мне спиной, давая понять, что разговор окончен.

* * *

На третий день пути я начал привыкать к грохоту поезда, но воспринимать дорогу уже не мог: вагон стал ощущаться для меня бесконечным пространством… «Сколько нам ещё ехать…» Об этом я мог только догадываться. Теперь я уже не пытался угадать, куда идёт поезд. Оставалось только ждать, когда откроется дверь. Теперь ничего не зависело от меня.

После очередной остановки и проверки я стал расспрашивать о месте, куда нас везут.

— Раньше зона была полностью открытая, «пожарка», — неохотно начал Немец. — Когда сотрудничаешь с начальством, тебе даются привилегии: можно работать, деньги зарабатывать, ходить в магазин. Для свиданок могут дать комнату на сутки, а если соглашаешься со всеми требованиями — даже на неделю. Все подчинялись администрации и доносили, за каждым человеком следили. Так было ещё со сталинских времён.

Он немного помолчал, поправил шинель и продолжил:

— Нарушителей порядка и тех, кто насаждал преступные традиции, стали закрывать в отдельные камеры — БУРы, с минимумом условий, где заключённые гнили и мучились от сырости и изоляции. Чтобы усмирить норов, поломать сопротивление и не дать укорениться лагерной иерархии, их селили в отдельный барак — своеобразную зону в зоне, где начисто отсутствовали элементарные бытовые условия. При малейшем нарушении заключённых избивали и отправляли в одиночку или карцер.

В этот момент поезд резко дёрнулся. Я ухватился за край шконки, а Немец даже не пошевелился и продолжил:

— Потом заключённых стали специально завозить, чтобы ломать особо несговорчивых, но некоторые периодически сдавались. Шли годы, БУРы потихоньку заполнялись, и, конечно, никого не выпускали на свидания. А какой бы ни был преступник, у человека нельзя отнимать последнее — живое общение с родными, с семьёй. Самое большее, что позволяли, — полчаса общения через стеклянную перегородку.

Сосед нахмурился.

— К концу семидесятых БУР был забит под завязку. Нары стояли в четыре яруса. Даже сами конвойные понимали, в каких нечеловеческих условиях живут люди. Возмущение порядками и условиями росло. Заключённые всеми способами пытались ломать лагерный режим. Жаловались в прокуратуру, писали ворам. Свободные бродяги начали их поддерживать: передачками, сигаретами, чаем. Стали отписывать, кто будет смотреть за БУРом, как и что делать, куда жаловаться на произвол администрации. Начались голодовки, протесты. Если есть силы — надо ломать. Давление должно быть со всех сторон. Это же криминальный мир. К концу восьмидесятых зону полностью разморозили, и она стала наполовину воровской.

Я слушал, впитывая каждую деталь. Всё это было для меня новым: я ещё не понимал, как устроена жизнь внутри зоны, и кто там на самом деле решает, что можно, а что нельзя.

— А к кому прислушиваются на зоне?

— Главный на зоне — законник, — глухо пояснил старик. — Если его нет, на сходке назначают лидера — того, кто идёт следом, но ещё не признан окончательно. А ещё есть старшие по блокам. Их назначает сам лидер или старшие арестанты. Ответственные бывают разные: за БУРом, за камерой, за общим бытом.

— А что значит авторитет? Это какой-то блатной?

— Авторитетов много, но главный — тот, кто держит воровское слово. Такой пользуется уважением, он выше обычного блатного.

Немец загибал пальцы, перечисляя:

— Блатной всё отрицает, ему режим побоку, работать не хочет, придерживается старых тюремных правил — так сказать, «стремящийся» заработать вес. А бродяга — это просто парень, живущий лагерным укладом. Неимущие — те, у кого нет родных и друзей на свободе, а потому нет даже копеечных передачек. Отверженный — осуждённый низкого статуса. Мужик — это работяга. Он может быть и в БУРе. Обычно режимники новеньким говорят, что нужны

работники — по дереву, например, или ещё что-нибудь. Их с утра выводят на работу. Но никто тебя не заставит горбатиться, ты сам определяешься. А тот, кто находится в открытой зоне и сотрудничает с администрацией, на особом счету, их зовут «красными», приспособленцами, короче — доносчиками. Да много всего есть…

— А ты кем был?

— Я был из «стремящихся», таким не по статусу работать, иначе не заработаешь веса. А вообще сейчас многое изменилось. Есть старые и новые понятия. По старым вообще не было этих должностей. Это позже придумали. Сечёшь?

— Вроде да, — ответил я и сразу поинтересовался: — А чем заняться на зоне?

— Перво-наперво перестань курить. Осознай, что это вредно и медленно губит организм. Не ищи отговорок. Найди одну причину бросить и двигайся дальше.

— Легко сказать, — усмехнулся я.

Немец посмотрел на меня.

— Быть трезвым — это вообще-то присуще русскому человеку. А про табак и алкоголь нам много чего рассказывали. Мол, на Руси издревле были пьяницы и лентяи.

Он немного помолчал.

— Всё не так просто. Пагубные для здоровья яды завозились и внедрялись целенаправленно. Историю-то изучал в школе?

— Вроде проходил.

— Ха. В том-то и дело, что проходил, — с ехидной улыбкой произнёс старик. — Тогда сам потом почитай. Внимательно посмотри, что запретили и от чего отказались во время реформ. Многое станет яснее.

Я промолчал. В тот момент его слова про историю интересовали меня гораздо меньше, чем папироса в руке.

— Так к чему приложить силы на зоне? — спросил я, возвращая его к вопросу.

— Этот разговор долгий, но он важный. Запасись терпением, — сказал сосед.

Я и так это понимал: чем ещё заниматься в поезде? Но выслушивать его очередные нравоучения мне не очень хотелось.

Вагон резко дёрнуло. За стеной загремела решётка, послышались голоса из соседнего отсека. Через несколько секунд всё стихло. Старик продолжил:

— Начинать надо со слова «нет». Если хочешь чего-то добиться и изменить жизнь, всем говори «нет» — не потеряешь время и заполнишь его своей мечтой. Занимайся важным, тем, чего хочешь по-настоящему. Конечно, сложно отказать. Сложно сказать «нет». Но иногда это просто необходимо.

Я невольно зевнул, но Немец, не обращая внимания, продолжил:

— Разберись в себе, хорошенько подумай, что у тебя получается, какие есть способности, к чему лежит душа. Научись пользоваться тем, что уже умеешь. Главное — не опускать себя, не принимать близко к сердцу мелочи. Трудности будут всегда — что на зоне, что на воле. Жизнь разнообразна.

Постарайся не вляпываться, чтобы прилипло и не выветрилось то, что есть. Моя ошибка была в том, что я постоянно искал чьей-то помощи, ждал прихода учителя, наставника, надеялся на лучший исход, мечтал о том, что кто-то будет подсказывать, как мне действовать, помогать собраться с мыслями для осуществления какого-либо дела или останавливать, чтобы не совершил ошибку. Но он не пришёл. Помощь извне — это ловушка. Только сам, только своими силами, не рассчитывая ни на кого, ты можешь измениться.

Тогда я ещё не понимал, о каких изменениях он говорит. Мне казалось, что всё, что мне сейчас нужно — просто выбраться отсюда. На свободу. А что ещё можно менять, когда у тебя уже забрали всё?

Где-то в коридоре лязгнул засов, потом второй. Послышались тяжёлые шаги и привычное:

— К стене!

Я машинально поднялся. Оказалось, проверяли соседний отсек.

— Люди меняются, но не всякий человек мудреет с годами. Хотя возможностей гораздо больше, чем мы можем себе представить. И можно стать лучше. И, конечно, должен быть интерес к жизни.

Мой тебе совет: найди себе увлечение на зоне и учись грамотно использовать время. Определи свои интересы, что ты хочешь от жизни, и получай удовольствие… Насколько это будет возможно, — добавил он и улыбнулся. — Проведи анализ и смотри на всё масштабнее, шире, с высоты. Чтобы быть готовым ко всему.

Где-то впереди глухо ударило. Потом ещё раз. Состав дёрнулся, медленно пополз вперёд, и через несколько минут уже только равномерный стук колёс напоминал, что мы движемся.

— Так хочется телек посмотреть… — произнёс я вслух, вспоминая о доме, где расслаблялся и погружался в ящик.

— Самый большой обман — это телевидение, — начал Немец. — Оно заменило книги и живое общение. Фильмы, реклама, шоу — всё это отнимает драгоценное время твоей жизни. Люди, полагаясь на то, что видят, обманываются, надеясь, что так и должна выглядеть реальная жизнь. А из-за этого ломаются жизни и судьбы. Поэтому надо уметь отличать картинку от того, какая на самом деле жизнь.

Он немного помолчал и продолжил:

— Просто подумай, как меняется настроение человека, если утром за завтраком практически по каждому каналу показывают криминальные истории — о маньяках, убийцах, ворах. Создают искусственное представление, будто кругом одни бандиты и преступники. Эти новости как будто о другой стране. Берётся из ряда вон выходящее событие и преподносится как норма. Это пропаганда страха и невежества, которые держат народ в напряжении и могут внушить всё что угодно.

Вагон качнуло, колёса на несколько секунд загрохотали громче, будто поезд проходил стрелки.

Я молчал, глядя на Немца. А он, казалось, только вошёл во вкус.

— Создаётся впечатление, что нас настойчиво заставляют во что-то поверить, навязывают мировоззрение, особенно по телевизору. Новости нам говорят, «что важно». Показывают сюжет, но доводят информацию по-своему. Они за нас делают выводы. Поэтому к информации из СМИ надо относиться с подозрением. Не жди откровений из телевизора, радио или газет. Отключись от ложных новостей, слухов и пустой болтовни.

Он снова ненадолго замолчал.

— У многих людей представления о странах основаны на передачах и фильмах. Но всё обстоит иначе. Сейчас кино часто не показывает настоящую жизнь, а искажает её, навязывает пошлость, разврат, жадность и прочее. Молодёжи даже не с чем сравнивать свою жизнь. Вот раньше, в начале двадцатого века…

Он слегка устремил взгляд вверх. На лице появилась лёгкая улыбка, будто он погрузился в приятные воспоминания.

— Вижу на твоём лице скуку и недоверие сказанному, — усмехнулся Старик. — Ну что, молодёжь? Доказывайте, что вы лучше отцов.

— Как же курить охота, — вздохнул я, пропустив его философию мимо ушей.

Немец посмотрел на меня.

— Ты много куришь.

— А что делать? Здесь без этого никак.

— Почему?

— Не знаю. Привык.

Он немного выждал, а затем продолжил:

— Вот именно. Привык. А теперь подумай: если человек что-то делает каждый день только потому, что привык, это он делает или привычка делает его?

Я усмехнулся.

— Философ ты, что ли?

— Нет. Просто смотрю.

Я достал папиросу и прикурил.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Ничего. Тебе решать.

Он немного помолчал, потом добавил:

— Ты бы всё-таки бросал это дело. Нас губят наши же привязанности, Серёга. Они как камни на ногах. А ты куришь, тратишь на это время, здоровье… У тебя, может, есть более важная задача в жизни.

— Какая? — с любопытством спросил я.

— Всё тебе напоминать надо. Сам разберёшься, — отрезал старик и отвернулся к стене.

Я снова затянулся. Тогда я ещё не понимал, о чём он говорит.

Разберусь… А в чём, собственно, надо было разбираться? В жизни? В людях? В себе самом? Тогда эти вопросы показались мне бессмысленными. Я и так считал, что всё про себя знаю.

Я остался в полном недоумении. Что я должен вспомнить? Что он хотел сказать и что недоговаривал? К чему это резкое завершение разговора? Я снова и снова прокручивал в голове его слова.

* * *

Через трое суток пути мы добрались до зоны.

Состав несколько раз резко тормозил. За стенами слышалась возня, команды, лязг металла. Я понял: приехали.

Немца вывели первым. Перед уходом он сунул мне свёрток с вещами и быстро произнёс:

— Сегодня день твоего триумфа. Сумей постоять за себя. И запомни: еда — это последнее, в чём нуждается человек. И ещё — никому не верь!

Он скрылся в коридоре.

— Увидимся! — крикнул я ему напоследок.

— Хорошо, — тихо послышалось в ответ.

Только позже я понял, что это было его последнее слово. Больше я его никогда не встречал и ничего о нём не слышал.

Меня вывели из вагона. Я прошёл вдоль рядов вооружённой охраны и лающих собак — и оказался на зоне.

Глава 3. В ИЗГНАНИИ

Лай овчарок стоял такой, что закладывало уши. Охрана едва удерживала псов на коротких поводках, а те аж задыхались от злости, брызгая слюной на серый, припорошенный сентябрьской пылью гравий. Конвой выстроил нас в шеренгу по три. Пыльный воздух зоны после душного «столыпина» казался обманчиво свежим, но в нём отчётливо пахло гарью, дегтярным мылом и чьим-то глухим, животным страхом.

Вокруг меня мужики и матёрые особисты мгновенно растеряли всю свою вагонную спесь. Плечи втянули, головы опустили, смотрят исключительно под ноги. Конвойные орали дурниной, подгоняя прикладами тех, кто замешкался.

А у меня в ушах всё ещё звенел тихий, прокуренный голос Немца: *«Сегодня день твоего триумфа. Сумей постоять за себя».* Что за бред? Какой, к черту, триумф в лагере особого режима, где мне трубить ровно двадцать лет? Но внутри, вопреки здравому смыслу, вместо страха разгоралось что-то другое — злая, упрямая гордость. Я не хотел гнуться.

Нас погнали через локальные зоны к дежурке на первичный осмотр и распределение. Запястья после наручников всё ещё горели синим пламенем, а спина от постоянных вагонных тычков ныла, но спортивная закалка пока держала меня. Стою ровно. Грудь колесом, приплюснутый нос, а на губах — та самая дурацкая, наглая улыбка, за которую опера в Питере готовы были меня живьём закопать.

— Слышь, малец, оскал прибери, — тихо, едва шевеля губами, бросил мне сбоку приземистый заключённый с наколкой «барса» на плече. — Здесь за улыбочки быстро лицо рихтуют. Тут режим жёсткий, лагерный актив поджимает, а бывалые арестанты косяки с ходу режут. Не высовывайся.

Я даже поворачиваться не стал, только прищурился. «Нет», — мысленно сказал я его совету, вспоминая ещё одно наставление старика. Если я сейчас опущу глаза и сольюсь с этой серой массой, меня сожрут за первый месяц. Пережуют и выплюнут в опущенный угол.

Через час нас завели в распределительный блок. Пространство давило. Воздух спёртый, пахнет кислым хлебом и потом. Нас выстроили вдоль стены. Напротив, за обшарпанным канцелярским столом, сидел замполит — холёный майор с холодными, как у рыбы, глазами. Рядом с ним тёрлись двое дневальных из местных — так называемые «активисты» с красными повязками, которые смотрели на нас, первоходов, как на свежее мясо.

Майор медленно перелистывал наши личные дела.

— Так, — процедил он, остановив взгляд на моей папке. — Сергей. Двадцать лет по обвинению в хранении наркотиков. Боксёр, значит? Бегунок из военкоматов?

Он поднялся, медленно подошёл ко мне вплотную. От него пахло дорогим одеколоном и казённым табаком.

— Нам здесь спортсмены-сумасшедшие не нужны, Серёжа. Нам нужны покладистые работники в деревообрабатывающий цех. Здесь определённые правила. Выполняешь — спокойно отбываешь свой долгий срок. Будешь воровские понятия качать — сгниёшь в БУРе. Понял меня? Пиши заявление на секцию дисциплины и порядка. Будешь старшим по отряду помогать.

В помещении повисла звенящая тишина. Огромный срок делал меня лакомым куском. Сломать такого первохода сразу — значит показать остальным, кто здесь хозяин.

Сбоку «барс» едва заметно затаил дыхание. Все ждали, что я скажу. Ломка от отравы внутри уже затихла, сменяясь непривычной для меня трезвостью, которой у меня не было много лет.

Я посмотрел майору прямо в глаза. Спокойно. Без агрессии. И произнёс всего одно слово, которое должно было решить мою судьбу на ближайшие двадцать лет:

— Нет.

После разговора с майором меня определили в БУР. Но сначала коротко постригли, правда, от этого ничего особо не изменилось в моём внешнем виде. Я и до зоны стригся коротко. После у меня забрали одежду и выдали робу: штаны и рубаху с двумя пуговицами посередине. А из обуви — полуваленки. Остальное мне должны были выдать позже.

Вещей у меня почти не было. Я машинально развернул свёрток, который перед выходом из вагона сунул мне Немец, и провёл пальцами по металлической кружке. Потом нащупал полотенце, мыло, зубную щётку, туалетную бумагу, тапочки, миску и ложку. Всё это он собрал для меня ещё в поезде. Сам я на зону пришёл практически с пустыми руками. Я ведь не сообщил матери, что попал в беду, и не хотел, чтобы она переживала, поэтому всё откладывал разговор. Откуда ей было знать, что мне понадобится здесь хоть что-нибудь?

После чего меня повели по длинному и узкому коридору к месту дальнейшего пребывания.

Я сразу просёк, как здесь организовано наблюдение. В коридоре высоко по углам находились видеокамеры. «По ходу, смотрят и записывают», — пронеслось у меня в голове. Я попытался мельком рассмотреть одну из них, приподняв голову.

— Голову вниз! — прилетел жёсткий окрик конвоира.

Я не успел ничего ответить.

— Больше повторять не буду.

Удар дубинкой по правой икроножной мышце заставил меня сразу опустить голову. Прихрамывая, я доковылял до железной двери камеры.

Позже я узнал, что наблюдение на зоне было тотальным. Объективы стояли везде: у ворот, по периметру, в прогулочном дворике, в каждом конце коридора. Я увидел, что даже в бане они были. Не покидало ощущение постороннего взгляда. За нами постоянно следили.

Уже тогда до меня дошло, что моё короткое «нет» обошлось мне дорого.

Как известно, все нарушители порядка разделены на режимы содержания в зависимости от того, что натворил человек. Я был на особом — проще говоря, на самом серьёзном, если не считать тех, кто на пожизненном. Зона, на которую я попал, как и рассказывал мне Немец, была «под контролем администрации»: частично открытой, частично закрытой и состояла из двух больших корпусов. Они представляли собой кирпично-деревянно-глиняные одноэтажные здания, окружённые высокой стеной и несколькими рядами колючей проволоки. Между бараками было разделение, поэтому свободного общения между заключёнными не было. Пересечься можно было только в общем прогулочном дворике, который был один на всю зону, да ещё в бане.

Меня поставили лицом к стене, пока охрана занималась замком, и, наконец, дверь открыли.

— Заходи, — сказал один из охранников и подтолкнул меня дубинкой в спину.

Когда я вошёл в камеру, то как будто попал в вакуум. Спёртый воздух и куча неприятных запахов ударили в нос: дешёвые сигареты, туалет, пот и что-то ещё вперемешку с крысиным запахом от тех, что шныряли под полами. А от увиденного настроение становилось всё хуже и хуже.

Помещение было маленькое, всего двенадцать метров. Серые стены, тёмно-коричневый пол, темно-жёлтые от сигарет потолки. Ко всему прочему в комнате было скудное освещение. По центру висела одна жёлтая, чахоточная и умирающая лампочка. Я сразу понял, что придётся приспосабливаться к полутьме. В конце помещения, на расстоянии полутора метров от пола, висело одно окно с массивной железной решёткой — толстые, сантиметра по три, прутья. Под ним тянулся широкий каменный подоконник, почти метр в глубину. Слева в углу у

стены находился небольшой квадратный стол, пара тумбочек и четыре табуретки, а справа — умывальник и тут же отхожее место, огороженное невысокой перегородкой. По бокам и у окна стояли три двухъярусные кровати, на которых лежали заключённые с хмурыми, недовольными лицами и красными глазами. Обстановка угнетала. Казалось, что дальше некуда. Но я ошибался. В этом я убедился, когда попал в изолятор. Но об этом позже...

Я стоял на месте и размышлял, с чего начать. Мои сокамерники тоже молчали и изучающе смотрели на меня в каком-то ожидании.

За моей спиной заскрипел засов, и в камеру зашёл взрослый мускулистый мужик лет сорока, в такой же серой робе, как и остальные. Заключённые насторожились и начали подниматься. Но никто с ним не поздоровался — все неотрывно провожали его взглядом. Незнакомец сделал круг вокруг меня, внимательно осматривая с ног до головы, и направился к выходу, напоследок бросив мне:

— Пошли за мной.

Я, конечно же, решил, что это какая-то проверка, и остался стоять на месте как ни в чём не бывало. Тяжёлая дверь камеры с лязгом закрылась за ним.

И пока я стоял и внимательно рассматривал своё новое жилище, ко мне внезапно подлетел какой-то крендель. Тщедушный паренёк что-то пискляво спросил и потянулся рукой к моему карману.

Я мгновенно перехватил его запястье.

Парень дёрнулся, пытаясь вырваться, но я коротко ударил его в лицо. Голова дёрнулась в сторону, а сам он, зацепившись ногами, тяжело рухнул на пол. Костяшки неприятно обожгло, и я почувствовал знакомую тяжесть удара в руке.

Тогда на подмогу к нему бросился ещё один тип.

Я не стал ждать. Встретил его своей любимой комбинацией — удар в корпус, затем в голову. Он согнулся, потерял равновесие и рухнул рядом с первым.

Я выпрямился и оглядел камеру. Дыхание участилось, кровь быстрее забила в виски.

И тут за спиной с грохотом вновь распахнулась дверь. В камеру влетели несколько охранников.

Обработав меня как следует дубинками, без лишних разговоров они сразу отвели меня к начальству. Посадив на табуретку в центре комнаты, трое в форме начали наперебой задавать вопросы. Я молчал, размышляя, что это поможет, и они успокоятся.

И тут меня стали жёстко ломать. Чего я только не услышал — и как мне будет невыносимо тяжело, и что со мной сделают, если не соглашусь.

— Здесь власть наша, бьём только мы, — сказал один из охранников.

Удар прилетел внезапно. В грудь. Я вместе с табуреткой отлетел назад и со всей дури приложился затылком о каменный пол. На несколько секунд в голове всё поплыло.

Я тогда ещё не догадывался, что охранники здесь сами бывшие спортсмены — крепкие, здоровые мужики, как лоси. Хотя, наверное, следовало догадаться. Точно бы меньше огрёб.

Меня подняли и снова усадили. Вновь посыпались вопросы, угрозы, требования признать свою неправоту. Я молчал.

Дальше со мной уже не разговаривали. Просто пошли удары один за другим. Меня метелили без остановки: кулаки, ноги, дубинки, резкие окрики. Я уже перестал различать, кто именно бьёт. Только успевал прикрывать голову и ждать, когда это закончится, пока силы окончательно не начали уходить. В какой-то момент я перестал чувствовать отдельные удары — осталось только глухое, тупое ощущение боли во всём теле.

Прессовали меня долго, но, видя мою упёртость и нежелание помогать, наконец оставили в покое. Я едва держался на ногах.

— Будешь думать теперь, — бросил один из охранников.

Потом меня взяли под руки и бросили в карцер — в наказание и в надежде, что я передумаю.

Глава 4. В ЗАПЕРТИ

В карцер обычно сажают ненадолго — на один-два дня, за нарушение режима. А для особо несговорчивых существуют одиночные камеры, куда могут отправить и на пару недель. Но мне сразу определили неделю. Вот так я попал с корабля на бал.

Теперь я понимал тех ребят, которые как могли тянули с отъездом из тюрьмы. И особо задвигали истории про «весёлые» одиночки — о том, что там происходит с человеком, когда еда на минимуме, холодно, не с кем поговорить, да и условия намного жёстче. И правда, обстановка в карцере была такой, что само это место буквально высасывало из человека волю к жизни.

Кровать, раковина, ведро под туалет и всё. Негусто. Да и разрешили взять с собой только подушку с наволочкой и простыню. Из личных вещей оставили только зубную щётку. Остальное — запрещено!

Я стал внимательно рассматривать камеру. Потолки были низкими, так что тот, кто был высоким, не мог даже встать в полный рост. Под потолком — одно здоровое в форме арки окно без решёток, на которое был наварен железный лист с отверстиями. Стены были шершавые, с острыми пупырышками, которые назывались «шубой». Как будто стены специально покрыли грубым цементом, чтобы заключённые не могли их царапать и разбивать. При входе в камеру была мощная железная дверь в полтора метра высотой и полметра шириной, перед ней — решетка с двумя засовами: верхним и нижним. Снаружи же дверь закрывалась на здоровенный амбарный замок. А над дверью была дырка и маленькая лампочка.

Нары крепились к стене, и только на ночь их приводили в горизонтальное положение, да и то конструкция держалась неровно, а с уклоном вниз, как будто охранники специально издевались над заключёнными. Поэтому матрас постоянно съезжал, и приходилось спать, держась рукой за край у стены, чтобы не упасть.

Ни стула, ни табуретки. Толком не посидеть, да и на корточках тоже не вариант. А на постель днём не лечь, так как она откидывалась рано утром. Причём замок, держащий её, отстёгивался из коридора в десять вечера, а уже в шесть утра нары убирали обратно. Охранник смотрел в глазок, потом громко говорил: «Подымай кровать!», и только когда она была зафиксирована, открывал дверь.

Холода в той местности лютые, до минус сорока. И как раз вдарили морозы, хотя на дворе был ещё сентябрь. А из одежды на мне были только хэбэшные штаны тёмно-синего цвета и такая же рубашка с двумя карманами на груди и четырьмя отверстиями для пуговиц — две из них имелись посередине, а две оторванные тусовались в кармане. На ногах — срезанные до голеностопа валенки.

Я ходил по камере от стены к стене, каждую минуту всё более ясно и отчётливо понимая, что ещё целых двадцать лет проведу в заключении. И это не просто срок — это лучшие годы моей жизни. Шок от этого осознания был уже не просто абстрактной паникой. Я физически ощущал вес этих стен, они казались сдавливающими, живыми. Тогда я ещё не понимал, что этот лагерный засов — лишь внешняя клетка, а сам я уже стал человеком, запертым в рамках условностей. В голове — отчаяние, страх и звенящая тишина. И никуда не деться… Как же быть?..

Остаётся только принять. Но я не сдамся. Ни за что. У меня не было страха, но здесь, в заточении, ко мне пришло глубокое понимание того, что я сотворил. Мысли о потерянном будущем терзали без остановки. На воле жизнь пойдёт дальше, а для меня время застыло. Каждый день здесь оборачивался пустотой. Мой прежний мир был полностью разрушен, хаотичная былая жизнь обрубилась в один миг. Теперь всё было подчинено чужому, жёсткому

ритму и лагерным правилам. Время для меня будто замерло, а внутренние часы продолжали тикать. Я чувствовал, как сквозь пальцы уходит моя молодость.

Мои разминочные движения не помогали согреться. Я пробовал по-разному дышать, напрягать мышцы, задерживать дыхание, но тело всё равно быстро остывало. А одежонка, которую мне выдали, едва отвечала своему названию. Пришлось искать другие варианты.

Первым делом я аккуратно выдернул из простыни длинные нитки, скрутил их в одну и при помощи железной палочки, которую нашёл при детальном осмотре камеры в щели стены, сделал дырки на рубахе, куда и пришил пару оторвавшихся пуговиц. Потом я порвал простыню и наволочку и, обмотавшись ими, надел их под одежду.

Несмотря на все мои старания утеплиться, я замёрз донельзя. «Неужто я здесь околею и отдам концы?..» — крутилась в голове фраза, как заезженная пластинка.

Вот такой первый день на зоне. Я лёг спать в надежде, что мне всё приснилось, я нахожусь дома, и этот кошмарный сон наконец прекратится. Но от накатившего отчаяния было не уснуть. Я думал о том, чем заняться на зоне. Вспоминал слова Немца, но это меня не особо привлекало. Я хотел по-своему. А что своё, было только на воле, что же я хотел сейчас — я не знал.

* * *

Странно всё это… Раньше я редко думал о себе. Жил — и жил. Делал что хотел, куда хотел — туда шёл. А сейчас впервые времени стало слишком много. И деваться от самого себя было некуда.

Так прошёл первый день. А потом второй. Я уже начал привыкать к своему нехитрому утеплению, но через два дня постельного белья не досчитались. За это меня жестоко избили, а спать оставили на одном матрасе.

Хорошо, что после этого включили две небольшие батареи у стены под окном. Конечно, они были не особо горячие, и из окна шёл холодный сквозняк, но когда я уставал сминаться, то прижимался к ним и грелся.

Из еды была вода, хлеб да каша. Кормили какой-то непонятной бурдой. На вид — измельчённая гречка, а вкуса никакого. Чай был похож на мутную тёплую воду. И всё это в железной кружке и миске, к которой давали обрезанную ложку, чтобы была возможность только ухватить её пальцами.

Я вспомнил слова Немца: «*Еда — это последнее, в чём нуждается человек*». Он как будто бы знал, что я попаду в карцер, и какая здесь будет напряжёнка с едой. Похоже, мне придётся отнестись серьёзно к его словам. Выбора-то особо у меня не было. Положение было безвыходное, и я ел то, что дают.

И ещё хотелось курить. Постоянно. До ломоты в пальцах.

Раньше я только слышал про узников из тюремных баек, а теперь сам оказался на их месте. Как же всё-таки жизнь непредсказуема… Вертит человеком, как щепкой в водовороте.

На воле люди любят потрещать про рай и ад, про искупление грехов. Всё это кажется пустой болтовнёй, пока сам не окажешься в ледяной бетонной коробке. Если здесь, прямо сейчас, я отбываю своё наказание, значит, это и есть мой личный ад? А если так — где тогда мой рай? Наверное, это просто глупые утешения, которыми я пытался заглушить тишину карцера.

Я посмотрел на серебряный массивный крестик, висевший у меня на шее, крепко сжал его в ладони и начал молиться, как мог. Я верил в Бога, но в церковь не ходил и обрядов не знал. Я просил помощи, хоть какой-то надежды, какого-нибудь знака. Но всё бесполезно, вокруг была только тишина. Я был совершенно один. Тогда мне впервые показалось, что Бог меня оставил.

Сколько раз мне Бог помогал… Уводил от сомнительных дел, спасал от смерти. Видимо, я израсходовал свой запас доверия. Каждый раз получал шанс, но ничего не менял и всё откла-

дывал на потом. Вот и оказался здесь, в этой каменной клетке. Но почему именно тюрьма? Почему я оказался именно здесь? Ответов я не находил.

Временами на меня накатывала такая дикая, бешеная ярость… Если бы меня выпустили, я готов был бы сутки напролёт носиться по улицам родного Питера, хватать случайных прохожих за грудки и орать им прямо в лица, чтобы они не совершали глупостей, не преступали черту и никогда, ни при каких обстоятельствах, не попадали в тюрьму. Потому что выдерживать это было невыносимо тяжело. Скука давила сильнее побоев конвоя. Холод пробирал аж до самых костей, голод сводил желудок, а постоянное нервное напряжение выжигало остатки сил. Эту полярную сырость, замкнутое пространство и одиночество я про себя назвал «северной истерией».

Но внутри рождалась другая — глухая, мужская злость. Именно она помогала мне держаться. Я всё ещё не мог понять, ради чего жить и какую цель поставить перед собой, чтобы выдержать такой срок. Изоляция лишает тебя главного — естественной разрядки. Психическое давление копится внутри, как порох в закрытом патроне. День не отличался от ночи. Серые стены не менялись. Еда не менялась. Воздух не менялся. Неизменным оставалось всё, кроме моего состояния.

В карцере прошло несколько дней, и стало совсем хреново. Тоска по людям и простым мелочам воли выматывала душу. На воле ты этих мелочей даже не замечаешь, принимаешь как должное. А здесь… Злость брала до зубовного скрежета, да я был готов всё отдать просто за возможность полистать дурацкий журнал, послушать музыку или посмотреть телевизор, над передачами которого ещё вчера сам же смеялся. Я лишился того, что вчера считал бессмысленным… Только потеряв всё дочиста, начинаешь понимать настоящую ценность вещей. Каждая секунда на свободе, чашка горячего нормального чая, возможность просто пройтись по улице — вот что действительно важно. А сейчас даже поговорить не с кем... Из звуков осталось только собственное дыхание.

Когда ты молод, организм выносит многое: и бессонные ночи, и литры алкоголя, и токсичную отраву. Здоровье у меня было железное, спасала прокачанная боксом спортивная форма. Если бы не она — я бы точно загнулся в этих четырёх стенах в первые же дни.

На воле я привык считать, что многое в моей жизни зависит от обстоятельств. От людей. От того, как ко мне относятся. Здесь времени на размышления стало слишком много, и я постепенно начал замечать одну странную вещь: иногда мне казалось, что неприятности сами находят меня. Но если посмотреть внимательнее, то почти в каждой из них было и моё участие. Одно слово. Один взгляд. Один ответ, который я мог и не дать. Раньше я об этом не задумывался. А в карцер, если разобраться по-честному, я сам себя загнал, первым ввязавшись в драку…

Целыми днями, чтобы окончательно не сойти с ума от холода, я мерил камеру шагами от стены к стене. То приседал до хруста в коленях, то отжимался от ледяного пола, пока руки не начинали дрожать. Потом приспособился подтягиваться на оконной решётке, ухватившись пальцами за край железного щита. Приходилось постоянно гонять кровь по жилам, потому что морозный воздух гулял по камере сквозняком.

Движение спасало тело, а единственным развлечением для головы оставались мысли. И вот тогда, под монотонный стук собственных шагов, до меня дошло по-настоящему, трезво и беспощадно: со свободой покончено. Прошлое отрезало, как хирургическим ножом, а будущее заперли на амбарный замок…

Глава 5. ЧУДЕСА ЗА РЕШЁТКОЙ

После недели мучений меня выпустили из карцера и отправили обратно в БУР. Но по дороге завели в одиночку к какому-то мужику и оставили с ним один на один.

Он стоял в дальнем конце помещения, у широкого окна. Позже я узнал, что это был лидер, который пользовался непререкаемым авторитетом во всем лагере, в том числе и в «режимных» секторах, хотя, конечно, полностью контролировать их не мог.

Когда я увидел его, то сразу вспомнил. Это был тот самый мужик — здоровый и брутальный — который заходил в камеру, когда я только попал на зону. Только тогда мне удалось увидеть его лишь мельком, а теперь я мог внимательно его рассмотреть. На вид ему было лет сорок-сорок пять. Атлетичного телосложения, гладко выбритый. На лбу — несколько суровых морщин, ещё две пролегали между бровями. Короткая стрижка и ни одного седого волоса. Узкий рот, широкие скулы. Но больше всего меня поразили его глаза. Ярко-синие. Таких глаз я никогда раньше не видел. Казалось, они не просто отражали свет, а будто вмещали в себя какую-то огромную силу, тайну, волю и ещё нечто, чего я тогда не мог объяснить. От их красоты и одновременно тяжести взгляда невозможно было оторваться.

Позже я узнал, что дверь в его камеру часто оставалась открытой — по договорённости с администрацией. Охрана ему доверяла. Видимо, знали, что он не станет никуда бежать и не натворит глупостей.

— Молодые борзые всегда будут, — ровным и спокойным голосом сказал он. — Я сам таким был. Упокоился. Всех метелишь? Кулаки чешутся? Так я их остужу.

Он стоял примерно в трёх метрах от меня. Я решил подойти и поздороваться. Но не успел я сделать и шага, как он вытянул руку в мою сторону, и я резко полетел назад, словно от удара стального молота в грудную клетку. Да так, что у меня перехватило дыхание. Пролетев пару метров, я ударился всем телом о стену с такой силой, что она содрогнулась и несколько секунд вибрировала, медленно выдавливая частицы пыли через мелкие поры. Я завис в воздухе. Но вот мгновение — и я уже растекался на полу.

Этот урок — кто здесь главный — я понял сразу. Конечно, раньше я слышал о подобных вещах. Но впервые испытал нечто подобное на себе. Передать словами захлестнувшие меня эмоции от соприкосновения с этим чудом было невозможно.

В условиях тюремной камеры, где всё строилось на грубой физической силе, я вдруг столкнулся с чем-то совершенно иным. С демонстрацией такого превосходства, против которого мои мышцы, мои удары и вся моя прежняя сила ничего не значили.

Моё сознание в один момент перевернулось. В ту же секунду я понял только одно: я тоже хочу так уметь. Если я проведу здесь двадцать лет обычным человеком — я сгнию. Просто физически и морально сгнию в этих стенах. Но если научусь тому, что умеет он… Тогда, возможно, я смогу управлять своей судьбой. И однажды вырвусь на свободу. Именно в этот момент внутри меня вспыхнуло что-то новое. Та самая «львиная» воля к жизни и развитию, о которой я размышлял в карцере и всё никак не мог найти ответа. Теперь ответ стоял передо мной.

— Да, тельца у людей хрупкие, — покачивая головой из стороны в сторону, произнёс он.

— Что это сейчас было? — ошарашенно спросил я. — Научите меня… — еле выговорил я, всё ещё ощущая тянущую боль в груди.

— Нет, — коротко ответил он, продолжая смотреть на меня спокойным, почти стальным взглядом.

— Тогда хотя бы расскажите, где об этом можно прочитать?

— Не обо всём можно писать в книгах, да и на словах мало что можно передать. Тут учитель нужен.

— Я готов. Научите меня, — выпалил я, не унимаясь.

— Ха-ха. Готов? Не смеши меня. Да и зачем тебе бесконтактная борьба? Ты и так мощный.

Я продолжал лежать на полу и потихоньку приходил в себя, пытаясь глубоко вздохнуть, но грудная клетка как будто была парализована и оставалась неподвижной.

— Кстати, меня зовут Дмитрий Всеволодович. Я — Старший, и помогаю младшим, — с усмешкой произнёс он.

Я хотел ответить, но лидера мой ответ, похоже, не особо интересовал, и он продолжил:

— Ладно. Позже поговорим. А то охрана заждалась. Держи пару пачек. Раздашь соседям и извинишься, — сказал он и протянул мне сигареты.

— А Вы… — начал я, но Старший перебил меня, словно заранее знал, что я собирался спросить.

— Я не курю.

Вернувшись в камеру, я сразу начал знакомиться с соседями. Первым делом раздал сигареты. У стола для меня уже отодвинули табуретку.

— Здорово, боксёр! Присаживайся. Ну что, пришёл в себя? — заговорил со мной здоровенный амбал, сидевший за столом. Он положил на стол пачку сигарет и кивнул на неё.

— Да, — произнёс я, опустив голову и показывая, что понял свою вину, после чего сел на табуретку.

— У тебя по жизни всё нормально? Не пылишь, на поворотах не заносит? Хотя что я спрашиваю… Ты уже показал себя в первый день, — произнёс верзила и рассмеялся.

— Простите за мою выходку. Я был не прав.

— Хорошо. Забыли, — ответил он.

После этого начались расспросы. Кто я такой? Откуда? С кем знаком? Что творил на свободе? Как собираюсь жить? Чуждо ли мне людское — просьба, помощь, поддержка, готовность поделиться сигаретами или чаем? Что умею делать? Хочу ли чему-то научиться? Ровно ли у меня всё по жизни? И многое другое.

Я отвечал на вопросы и постепенно знакомился с каждым из сокамерников.

Первым оказался тот самый здоровенный амбал — Лютый, старший по камере, ведавший общим бытом в БУРе. Это был накачанный мужик, которого все побаивались. Он постоянно тренировался и мог запросто бычить на любого. При этом был не только физически силён, но и пользовался уважением. Позже я узнал, что Лютый в целях самообороны уложил четверых в жёстком уличном столкновении, а потом сам пришёл сдаваться. Думал, разберутся и поймут. Да не тут-то было. Повязали братца. Ещё позже мне рассказали, что, когда он впервые отсидел семь лет и вышел с зоны, первым делом нашёл человека, из-за которого сел в тюрьму, и рассчитался с ним. Именно тот наглец когда-то посоветовал ему сдаться с повинной, хотя у милиции не было никакой информации и зацепок. Это многое говорило о его жёстком характере и о том, что он никогда ничего не прощает.

Второго звали Цветок. А иногда Блаженный. Именно он был тем самым парнишкой, который первым получил от меня люлей при знакомстве. И хотя он был тише воды, перед тем как общаться с тюремщиками, он съедал пару зубцов чеснока, чтобы им было приятнее дышать.

Третьим был Седой, или Чахлый. На вид ему было лет шестьдесят. Рассудительный, взрослый, опытный человек. Однако, что бы я ни говорил, он во всём сомневался. А точнее — просто не верил. И постоянно твердил, что я всё вру. Как оказалось позже, он мало кому доверял и обо всём имел собственное мнение.

Последним же был Молчун. Он мало говорил, а всё больше слушал. Держался очень спокойно, словно что-то знал и скрывал это. Он считался одним из старейших узников, и к нему прислушивались. Получалось, что всего в камере нас было четыре с половиной человека, так как иногда казалось, что Молчуна нет. Настолько он был тих и незаметен.

Когда основные вопросы были заданы, мне выбрали обычное погоняло — «Серый», производное от моего имени, — и рассказали про распорядок на зоне. Всё было просто: завтрак, обед, прогулка и ужин. А ещё периодически заглядывали смотрители. Тех, кто спал, сразу начинали будить дубинками. Спать днём считалось серьёзным нарушением.

— Что за статья? — поинтересовался Цветок.

— Я по двести двадцать восьмой.

— Какой? — удивился Лютый. — Порнографией, что ли, занимался?

— Нет. За отраву.

— Не шути так. Надо правду говорить. Здесь всё рано или поздно вскроется. Тогда другой базар будет.

— А мне и добавить нечего. Подставили меня. Я же не барыга.

— Все так говорят, — подхватил разговор Седой. — Что-то ты скрываешь. Не верю я тебе. На особый режим просто так не попадают.

— Да я в режимах содержания вообще не шарю. Расскажите, чтоб я знал.

— А я тебе анекдот расскажу, — продолжил Седой, — чем отличаются режимы. Их всего три: общий, строгий и особый.

Он сделал паузу, раздавая всем сигареты, и начал:

— Представь картину: в тюрьме в углу камеры, отвернувшись от остальных, один арестант разворачивает здоровенный шматок сала и, понемногу его надкусывая, заедает хлебом. К нему подходит другой заключённый с общего режима и просит поделиться. Мол, так не принято в одно жало есть. На что тот ему отвечает: «Я чужой». Сосед сразу отскакивает от него в испуге и уходит в другой конец камеры. После чего подходит другой заключённый со строгого режима и так же намекает, что надо делиться. Тот опять отвечает: «Да я изгой». И картина повторяется снова: второй арестант, подобно первому, ретируется назад. Тогда подходит ещё один заключённый — с особого режима, забирает всё сало, разворачивается и уходит со словами: «Да не наговаривай ты на себя».

Все в камере расхохотались, и я тоже. Только Лютый слегка улыбнулся — видимо, не в первый раз слышал этот анекдот.

— Ладно, проехали. Что ещё скажешь? — серьёзно спросил он.

И я продолжил рассказ о себе…

Тогда я ещё и не догадывался, что на зону пришла малява, что на воле меня знают как классного мастера по кражам, а найденная у меня дома отрава — чистой воды подстава. Ведь я был профи в своем деле, и то, что меня взяли за отраву, я тогда воспринимал как признание моего мастерства.

— А что с родными? Кто остался дома? — спросил Седой.

— Мать. Больше никого нет.

— Ой, не верю я тебе. Врёшь же… — сразу в ответку произнёс Седой.

— Хорош, — перебил его Лютый. — Запомни: у нас в камере собраны основные общие запасы БУРа, этим мы и питаемся. Поэтому скажем, чего не хватает, чтобы тебе закинули это в передачке. Они у нас редкие — не больше одной в месяц. А свиданки — ещё большая редкость. Будешь нормальным пацаном — договоримся и об этом.

На этом расспросы закончились, и Лютый подытожил:

— Ладно. Мы всё проверим. Устраивайся, ща будем чай пить. И спасибо за сигареты. Кстати, откуда ты их взял?

— Увёл у охранника, — не задумываясь, ответил я.

— Молодец, шустрый значит. Ладно, отдыхай.

После чего я подошёл к окну, удобно примостился на широком подоконнике и прикурил сигарету. Я всё ещё размышлял о возможности побега, но мысли постоянно возвращались к встрече с лидером. Мне непременно хотелось научиться у него всему, что он умеет. Заодно я стал рассматривать, что же находится за окном.

Ничего примечательного я не увидел. Передо мной тянулся высокий забор. По обе стороны стояли две вышки с автоматчиками. Примерно в пяти метрах от стены БУРа проходил забор из обычной колючей проволоки. Между заборами стоял квадратный знак: на белом фоне — жёлтый круг с двумя красными точками, предназначенный для расчёта дальности и прицеливания. После первой проволочной преграды шла дорожка для собак. За ней возвышалась трёхметровая стена, сверху которой были натянуты три проволоки под напряжением. А поверх них шла путанка — колючая проволока, которая при прикосновении начинала двигаться, всё сильнее запутывая человека с каждым его движением.

Тяжёлая дверь распахнулась, и в камеру зашёл лидер. Он внимательно огляделся, и лицо его приняло недовольное выражение.

— Вы что, черти, за порядком не следите? Даже дальняк грязный! — выпалил он. — Это же элементарная гигиена, — с досадой произнёс он…

Затем взял ведро с холодной водой, с силой отжал тряпку и сам принялся мыть пол. Уже минут через пять уборка была закончена. Что ни говори, но после этого всё блестело.

— Чтобы это было в последний раз. Ещё раз такое повторится — будете у меня по три раза на дню мыть полы! А ты что расселся? — обратился ко мне Всеволодович. — Бегом за мной, есть разговор, — закончил он и спешно удалился.

— Давай же, иди, — сказал Лютый. — Он два раза не повторяет.

— Так как же идти? Дверь заперта… Охрана… Как я проскочу?

— Не беспокойся. Всё схвачено. Тебя не тронут. Если он пришёл, значит, уже договорился обо всём. Камера в конце коридора БУРа с правой стороны, — добавил Лютый. — Только не смотри по сторонам, глаза в пол и метнулся туда и обратно. Потом расскажешь, о чём шла речь. Усёк?

— Понял, — ответил я и помчался что есть силы в камеру к Старшему.

Когда я вошёл к нему, он уже был в совершенно другом настроении. На лице была добродушная улыбка, а глаза как будто сверкали от радости. Я так и не понял, что произошло.

— Присаживайся.

Я спешно сел на стул и начал слушать.

— Так вот, Серый. Про наш разговор никому ни слова. Скажешь, что я тебе говорил о порядках на зоне и провёл разъяснительную работу, как себя вести.

— А как Вы узнали, что мне дали кликуху Серый? Ведь это было пару часов назад, и об этом знали только мои сокамерники.

— Запомни: и у стен есть уши. Но это мелочи. У нас не так много времени. Поэтому сразу к делу. Не надо ко мне больше никогда приходить. Не привлекай внимание.

— А что делать? Я хочу учиться у Вас… всему.

— Будем общаться без слов, на расстоянии. Телепатически. Чтобы нас не слышали.

— Так я же не умею.

— Главное, что я умею, — сказал он и замолчал.

И тут в моей голове прозвучал голос Всеволодовича. Ощущение было такое, будто у меня в ушах вдруг появились невидимые наушники. Это было для меня чем-то совершенно фантастическим. Со мной такого ещё никогда не происходило. Вторая встреча — и во второй раз я был ошарашен! В моей голове, привыкшей к законам обычной физики, произошёл тектонический сдвиг. Что же он ещё преподнесёт? Какие тайны он ещё знает? Я посмотрел на Старшего

и вдруг понял: стены этой тюрьмы — ничто по сравнению с той силой, которая скрыта в этом человеке.

— Ты понимаешь, почему ты здесь? Помнишь, из-за чего сюда попал? — неожиданно произнёс лидер, и его взгляд вдруг изменился, став мягче и печальнее.

— Чтобы исправиться. Всё из-за этой отравы.

— Понятно…

В этот момент я словно на секунду забыл о каменных стенах, сроке и всём остальном. Но уже через мгновение меня снова захватило возбуждение от происходящего. Именно в эту секунду моё отчаяние от двадцатилетнего срока сменилось почти болезненным желанием узнать всё. Я должен был уметь так же. Я был возбуждён, сердце трепетало от предвосхищения нового и сказочного.

— Скажите тогда, с чего мне начать? — спросил я с нетерпением.

— Если действительно хочешь изменений, то сначала опустоши чашу и делай то, что я скажу. Для начала научись владеть своим телом. И следи за речью. Каждое произнесённое слово обладает силой. Так делают все мастера. О деталях позже. Будут успехи — расскажу ещё что-нибудь. На этом всё. Беги к своим.

После этого я поднялся. Старший по-отечески обнял меня, крепко пожал руку, улыбнулся и подмигнул на прощание. Я вышел из его камеры и направился к своим, всё так же опустив голову в пол и потихоньку приходя в себя от того, что только что испытал. Всё-таки не каждый день общаешься без слов.

Когда я вернулся в свою камеру, ко мне сразу подлетели Цветок и Седой, которые наперебой стали расспрашивать, о чём шла речь со Старшим. Конечно, я ответил так, как велел лидер, мол, порядкам учил да про поведение на зоне. Когда интерес пропал, меня оставили в покое.

Я только успел присесть на свою шконку, как в коридоре послышались тяжёлые шаги. Дверь распахнулась, и в камеру вошли двое охранников.

— Всем встать! Проверка! Руки за голову! — громко рявкнул один из них.

Мы молча поднялись. Один из конвойных сразу направился к столу, второй начал проверять нары. Здесь уже никто не удивлялся таким визитам. Каждый знал: если пришли с обыском, лучше не суетиться и не задавать лишних вопросов.

Сначала перевернули матрасы, вытряхнули простыни, заглянули под кровати. Потом добрались до тумбочек. Открывали всё подряд, ощупывали швы одежды, заглядывали в каждую щель. Я стоял у стены и старался выглядеть спокойно. Но внутри всё ещё крутился недавний разговор со Старшим. «Не привлекай внимание». Теперь эти слова звучали особенно отчётливо.

Один из охранников подошёл ко мне.

— Ты новый?

— Да.

Он молча посмотрел на меня, потом взял мои вещи и начал тщательно их перебирать. Я опустил глаза. После того, что произошло у Старшего, мне впервые по-настоящему пришло в голову: если кто-нибудь заметит, что я слишком часто оказываюсь рядом с его камерой, вопросы будут уже совсем другими.

Обыск продолжался. Лютый стоял спокойно, сложив руки на груди. Седой недовольно ворчал себе под нос, Цветок что-то пытался объяснить охраннику, а Молчун вообще не двигался.

— Это что? — вдруг спросил один из конвойных, подняв какую-то мелочь.

— Моё, — ответил Лютый.

Охранник покрутил вещь в руках, ещё раз осмотрел и бросил обратно. Потом они принялись за мои вещи. Я следил за каждым движением и отчётливо понял, насколько здесь всё

на виду. О каком личном пространстве вообще могла идти речь в этой коробке? Любая вещь рисковала оказаться в чужих руках, любое движение — привлечь внимание.

Через несколько минут всё закончилось.

— Всё. Сидеть.

Охранники вышли, и дверь снова захлопнулась. Несколько секунд никто не произносил ни слова.

— Привыкай, Серый, — наконец сказал Лютый. — Это ещё цветочки.

Я кивнул. Но думал совсем о другом. Теперь я понял, почему Старший не хотел, чтобы я к нему ходил. Здесь даже обычный поход по коридору мог вызвать вопросы. А наши разговоры должны были оставаться тайной.

Чуть позже я стал искать себе место для сна. Предлагать нижнюю полку мне, конечно, не стали, да и выбора особого не было. Места здесь определялись по статусу. Нижние нары считались авторитетными, особенно у окна. Если в камеру заселяется человек с весомым статусом, ему обязаны были освободить место. На нижних нарах спали Молчун, Седой и Лютый — у окна. Блаженный устроился на второй шконке над Седым. Лютый не любил тесноту и не терпел, когда его лишний раз тревожили, тем более учитывая его положение. Поэтому я лёг на шконку над Молчуном.

Я устроился поудобнее и прислушался. Из коридора доносились тяжёлые шаги, лязг замков, крики из соседних камер, металлический стук дверей. Эти звуки не прекращались даже ночью и постоянно напоминали, где я нахожусь: в нескольких квадратных метрах, где каждый твой шаг ограничен стенами. Иногда они смешивались в какой-то тяжёлый, давящий гул, от которого становилось не по себе. Даже когда я пытался уснуть, он будто продолжал звучать уже внутри головы.

Я закрыл глаза, пытаясь отгородиться от всего этого и понять, что имел в виду Всеволодович, говоря про владение своим телом. Ведь силы у меня было ого-го, я любому мог дать фору, даже спарринговаясь одной рукой. А его взгляд — глубокий, спокойный и проницательный. Почему он так спокоен посреди этого ада? Может, потому, что его разум уже давно свободен от этих стен?

В этот самый момент в голове снова зазвучал голос Старшего:

— Ну что, Серый, расслабляешься?

От неожиданности я чуть не вскочил с нар, но что-то удержало меня. Я произнёс про себя: «Старший, это Вы?», надеясь, что он меня услышит.

— Конечно, я. Кто же ещё? — ровным и спокойным тоном ответил он.

— Не ожидал, что у меня получится мысленное общение.

— Всё идёт как задумано. У тебя, наверное, куча вопросов. Начинай.

— Почему я вообще оказался в тюрьме? Меня же подставили.

— А зачем тебе сейчас искать ответ только на этот вопрос? Посмотри на ситуацию и на себя иначе. Возможно, именно здесь тебя от чего-то уберегли. От отравы, от смерти, от той жизни, которая могла закончиться гораздо хуже.

Я промолчал.

— Вопрос надо ставить иначе, — продолжил Старший. — Не только: «Почему я здесь?», а: «Что мне теперь с этим делать? В чём моя задача? Тем ли я вообще занимаюсь?».

— Да какая разница? Я уже не в том положении, чтобы что-то изменить. В моей жизни всё решено. Выйду отсюда — кому я нужен? На работу потом устроиться будет неимоверно сложно.

— Ты это сейчас так думаешь. А жизнь ещё не закончилась. Занимайся собой. Развивай мозг и тело. Приведи себя в порядок. Пока ты жалуешься на то, чего уже не вернуть, время всё равно идёт.

— А что значат Ваши слова про тело? Я же в прекрасной форме.

— Твои мускулы и выносливость — не совсем то, что надо. Я хочу, чтобы ты научился намного большему. Ты должен научиться управлять внутренними процессами, чувствовать каждый орган, уметь повышать и понижать температуру, замедлять и ускорять пульс, останавливать дыхание, делать тело твёрдым, как чугун, и, конечно, лёгким, как пушинка. Вот о чём я толкую.

— Я готов. С чего начать?

— Все секреты в простоте. Я обо всём тебе поведаю. От тебя потребуется только ежедневно выполнять упражнения, о которых я расскажу. Но всё по порядку. Начинай каждый день с зарядки и заканчивай его растяжкой. А в течение дня выполняй дыхательные упражнения: медленное, учащённое, прерывистое дыхание и, конечно, задержку дыхания — как на вдохе, так и на выдохе. Пока этого достаточно. Об остальном расскажу в следующий раз. Тебе пора спать. Завтра перейдём непосредственно к обучению. Отдыхай.

После этого мысленная связь прервалась, и я снова оказался в полной тишине, если не считать тихого посапывания Цветка в темноте. К этому времени все уже легли спать. Я был слегка удивлён тому, что сказал Старший: зарядка, дыхание, растяжка. Как-то это всё слишком просто. Что тут такого? И что мне это даст? Всё очень странно… Видимо, Дмитрий Всеволодович пока не хочет раскрывать свои секреты. А может, просто присматривается ко мне? Ладно. Буду делать, что он говорит. Завтра начну с зарядки, а вот тянуться сегодня не буду — уж очень это в лом. Тем более какой в этом толк? Растяжка — это больше для женщин, вот им она подходит. А мне совершенно не хочется терять на это время.

А дыхание мне зачем? Я что, дышать не умею? Под водой могу хоть пару минут спокойно продержаться. Помню, в Неву занырнул, от погони уходил. По ощущениям, все десять минут просидел. А дыхалка у меня вообще железная — могу спарринговать без перерывов. Нет, эти упражнения для дыхания мне точно не нужны.

Потом я задумался об условиях в камере. Здесь вообще не было никакого настоящего уединения. Четыре человека рядом почти постоянно. Куда ни повернись — кто-то рядом. Нельзя было остаться одному даже на несколько минут. Даже в туалете рядом кто-то был. Перегородка из тряпки на верёвочке помогала только от взглядов. Но от присутствия другого человека она не спасала. Я начал понимать, насколько трудно сохранить хоть какое-то личное пространство внутри таких стен. Если только не считать одиночки и карцера…

Я ещё долго не мог уснуть, прокручивая в голове всё, что произошло за день. Перед глазами снова и снова возникал тот момент, когда Старший нанёс мне удар с расстояния в несколько метров. Откуда у него этот бесконтактный удар? Я понимал, что обычным объяснением здесь не обойтись. Что же это вообще такое?

Я перевернулся на другой бок и закрыл глаза, но мысль не отпускала.

* * *

Утром после завтрака я продолжил приглядываться к соседям по камере. Описывать кормёжку нет смысла. Всё было однотипно и скудно. В основном мы питались тем, что получали в передачках от родных и друзей с воли. Кроме того, основные запасы с продуктами хранились у нас в камере, остальное было раскидано по другим — место всё-таки было не резиновое. Но, несмотря на это, никаких излишеств мы себе не позволяли

Молчун слушал тихо играющее старенькое радио. Блаженный с Лютым занимались обустройством жилья: делали обои и украшали тумбочки. Седой же после завтрака отправился в рабочий цех. Как я узнал позже, из БУРа на работу брали примерно десять человек, но только специалистов, у которых была профессия. Седой был краснодеревщиком и любил мастерить. Да и в четырёх стенах, как я понял, ему было не особо весело, поэтому он и подрядился работать.

— Присоединяйся, Серый. Не стесняйся, — сказал Цветок и дал мне хлеб и воду.

Выглядело всё невзрачно и странно. С подобным я никогда не сталкивался. Поэтому большей частью смотрел и запоминал.

Первый раз в жизни я видел, как подручными средствами тумбочку декорировали под дерево. Для этого были нужны хлеб, кусок ткани, газета и чай. Хлеб размачивали и тёрли через ткань — то, что оставалось, служило клеем. Газету размачивали в воде. Получившиеся сгустки выжимали и складывали в другой тазик с клейстером. Потом лепили, а когда всё высыхало, подкрашивали йодом или чифиром. Лютый же занимался крестом и веточками, которые торчали из тумбочки, создавая видимость настоящего дерева. Сначала бумагу проклеивали и закатывали, потом срезали наискосок, чтобы были видны прорези.

Я посмотрел и тоже подключился к работе. «Дело нехитрое», — подумал я, размочил, выжал, перетёр — бац-бац, и всё готово. Если руки растут из того места, то всё ладится быстро. Толковый я парень, чего греха таить.

Впервые за несколько дней я делал что-то руками, и это отвлекало от мыслей о сроке.

Потом меня научили делать обои. Схема была проста: в клейстер опускали одеяло или простыню, отжимали и растягивали по всей стене. Время за ремонтом пролетело быстро, и наступил обед. Со мной поделились едой из общих запасов. Здесь, если питаться тем, что дают местные повара, долго не продержишься.

Я решил заварить чаю и потянулся к кипятильнику, который лежал на столе.

— Не трогать! — громко сказал Лютый. — Это наша семейка.

«О чём это он?» — подумал я и спросил у Блаженного:

— Что значит семейка?

— Семейники — это те, кто сидит вместе, друзья, за которых несёшь ответ. Был как-то у нас случай. С нами сидел один мужичок, взрослый, адекватный. Тянулся к блатным. Он был семейником с Лютым и Седым. И вот однажды пришла малява, а в ней всплыл косяк за прошлую отсидку этого мужичка, мол, стал плести интриги за другого человека. За интриганство его подтянули, стали разбираться, семейники отмазывали как могли. Потом подтянули свидетелей, а они в один голос твердят, что мужик рассказывал про удавку, что накинул мол кому-то. Вот ему и предъявили за слово «удавка». Это же серьёзно, удавка у авторитетных людей не принята. Он даёт заднюю, не говорил, что накинул, да и полотенце это было. Короче, всё ясно: виновен. И за него получили семейники, поставили их на вид. А они в свою очередь за такое должны были его перетянуть в камере. Но не стали трогать, так как старый, и выкинули в открытую. Вот так бывает, всю жизнь сидел, имел статус, а закончил — никем.

После обеда полагалось время на прогулку. Всего минут сорок. Ходили мы во внутреннем дворике между БУРами. Я держался своих сокамерников и наблюдал за происходящим, попутно изучая прогулочную зону. Ничего примечательного: несколько скамеек, пара турников, со всех сторон двора — трёхметровые стены с колючей проволокой, в двух углах — видеокамеры и вышки с охраной.

На прогулке к нам подошёл молодой парень и что-то невнятно промямлил.

— Ты кто по жизни? — спросил Лютый.

— Я военный...

Лютый посмотрел на него несколько секунд.

— Всё. Слинял отсюда.

Парень быстро ушёл.

Позже мне объяснили, что здесь это означало и какие правила действовали для изгоев: с ними нельзя здороваться, контактировать, есть за одним столом, нельзя брать их кружку или пользоваться их вещами, а уж тем более дотрагиваться руками. Иначе можно самому потерять лицо. И главное — нужно знать, что и как говорить.

Я присматривался к заключённым и искал глазами Дмитрия Всеволодовича. Мне хотелось с ним ещё поговорить, расспросить о вчерашнем ударе, но его нигде не было видно.

— Меня ищешь? — неожиданно прозвучал голос Старшего в моей голове.

— Да, — ответил я, обрадовавшись новому общению. — Хотел поговорить. Расскажете, что Вы ещё умеете?

— А тебе интересно?

— Очень.

— Тогда спрашивай.

— Учитель, расскажите ещё что-нибудь.

— Не называй меня учителем. Просто Старший.

— Почему?

— Учитель — это тот, кто ведёт ученика по своему пути. А тебе ещё предстоит понять, куда идёшь ты сам. Вообще-то я сейчас занят, но уделю тебе пару минут.

Он ещё раз объяснил, какие упражнения мне необходимо выполнять, чтобы научиться управлять своим телом, и рассказал немного подробнее о том, с чего начать. В конце добавил, чтобы я читал книги — это должно было пригодиться и помочь скрасить монотонные будни. А ещё посоветовал больше общаться с сокамерниками.

— В каждом человеке можно увидеть учителя, — закончил он.

Эти слова я запомнил.

Я ещё долго прокручивал в голове наш разговор. Телепатия была во сто раз круче обычной речи. В ней не было искажений: собеседник передавал не только слова, но и сам образ, который стоял за ними. Ты видел, что человек действительно хочет сказать. Не нужно подбирать слова, объяснять интонацию или бояться, что тебя неправильно поймут. Телепатия была не просто передачей слов. Это был разговор напрямую — от мысли к мысли. Без интонаций, без подбора формулировок. Только суть. И я чувствовал: Старший говорит правду. Просто он говорит только ту её часть, которую считает нужным открыть.

Вернувшись в камеру, я решил последовать его совету и затеять разговор. Мне хотелось понять, с какими людьми я живу бок о бок и чего от каждого ожидать. За столом собрались все. Лютый раздавал карты, Седой привычно что-то ворчал себе под нос, Цветок пил чай, а Молчун сидел чуть в стороне и слушал.

— Седой, а ты действительно можешь раскусить человека за пару секунд? Как ты это делаешь?

— А чего тут делать? — усмехнулся он. — Ты вроде смышлёный малый, но жизненного опыта тебе не хватает. Люди все похожи, что бы тебе ни говорили и чего бы ты там ни начитался. Пусть они строят из себя что хотят. Пальцы веером. А глазки-то не обманешь. Всю правду расскажут. Я вот выкупаю чела с ходу. И в голове уже ясная картина. Что к чему да что и как.

Он затянулся папироской и продолжил:

— Каждый сам себя выдаёт. По глазам, по голосу, по тому, как сидит, как отвечает. Иногда одного слова достаточно.

— Одного слова? — переспросил я.

— Бывает и одного. Хотя чаще человек сам тебе полчаса рассказывает о себе, даже не понимая этого.

— А если он врёт?

— Тем более.

— А если специально врёт?

Седой посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Вот тогда интереснее. Только не думай, что ты самый умный и сразу его раскусишь. Некоторые специально оставляют ложный след.

Лютый отложил карты.

— Вот здесь Седой дело говорит. Только я с ним не согласен в одном: человека нельзя считать полностью понятным. Сегодня ты его раскусил, а завтра он сделал совсем не то, чего ты от него ждал.

— Почему? — спросил я.

— Потому что человек меняется. Настроение другое, обстоятельства другие, интерес другой. Да и сам он может играть свою партию.

— То есть ты хочешь сказать, что людей вообще невозможно понять?

— Понять можно. Предсказать — уже сложнее.

Седой усмехнулся:

— Да что там сложнее. Большинство людей очень даже предсказуемы. Стоит понять, чего они хотят, и половина дела сделана.

— А чего обычно хотят?

— Каждый своего. Денег, уважения, внимания, власти, чтобы его любили, чтобы считали умным. Кому-то нужно доказать, что он лучше остальных. Кому-то — что он вообще чего-то стоит.

Цветок тихо вмешался:

— А кому-то просто хочется, чтобы его выслушали.

Седой посмотрел на него:

— И это тоже.

— Получается, — сказал я, — если понять, чего человеку не хватает, можно понять, как с ним разговаривать?

— Конечно.

— А значит, им можно управлять?

За столом на несколько секунд стало тихо. Лютый посмотрел на меня:

— Управлять — громко сказано. Но если знаешь, чего человек хочет, можешь гораздо лучше понимать его поступки.

— И легче его обмануть, — добавил Седой.

— Или помочь, — возразил Цветок.

— Смотря кто ты сам, — спокойно сказал Лютый.

Я задумался.

— А как понять, какой человек перед тобой? Хороший или плохой?

Седой фыркнул.

— Никак. Сегодня хороший, завтра дерьмо.

— Не согласен, — сказал Цветок. — В человеке может быть и то и другое. Самый плохой человек иногда способен на хороший поступок.

— А хороший — на плохой, — добавил Лютый.

Мне понравилась эта мысль.

— Тогда выходит, людей нельзя делить просто на хороших и плохих?

— Вот именно, — сказал Лютый. — Так проще думать, но жизнь сложнее.

Седой снова взял карты.

— Да люди вообще любят простые ярлыки. Этот умный, этот дурак. Этот честный, этот подлец. Этот свой, этот чужой. Расставили всех по полкам — и спокойно живут.

— А потом удивляются, — добавил Цветок, — когда человек оказывается совсем не таким, каким его представляли.

Я вспомнил, сколько раз сам ошибался в людях.

— А можно вообще понять человека, если он сам себя толком не знает?

Седой посмотрел на меня уже без усмешки.

— Вот теперь хороший вопрос.

Лютый немного подумал.

— Человек часто говорит то, что думает о себе. Но поступает совсем иначе. Вот за поступками и смотри.

— А слова тогда ничего не значат?

— Почему? Значат. Только слушать надо не только слова. Смотри, на что человек обращает внимание. Что его раздражает. Что радует. О чём он вспоминает. Что он осуждает в других. Иногда человек рассказывает про другого, а на самом деле рассказывает про себя.

Я потушил окурок.

— То есть, если человек постоянно говорит о деньгах, это что-то значит?

— Может значить. А может и нет, — ответил Лютый. — Поэтому никогда не делай вывод по одной детали.

— Вот! — оживился Седой. — Это главное. Не додумывай за человека. Наблюдай.

Цветок улыбнулся:

— И слушай внимательно. Большинство людей любят говорить о себе. Иногда человеку достаточно дать возможность выговориться, и он сам расскажет тебе больше, чем ты хотел узнать.

— Почему?

— Потому что человеку хочется, чтобы его услышали.

Я снова задумался.

— Значит, человек сам может выдать себя?

— Постоянно, — сказал Седой.

— А если человек молчит?

Все посмотрели на Молчуна. Он едва заметно улыбнулся и поднял на меня глаза:

— Тогда просто смотри.

И снова замолчал.

Я невольно усмехнулся.

— Спасибо, Молчун. Очень подробно.

Все рассмеялись.

Беседа продолжилась уже на другие темы, но я всё никак не мог от неё отойти. Я уже слушал иначе. Мне вдруг стало интересно не только то, что люди говорили, но и почему они это говорили.

Я сидел за столом и жадно курил одну сигарету за другой. Чем дольше продолжался разговор, тем больше вопросов у меня появлялось. Я понял простую вещь: раньше я смотрел на человека и почти сразу решал, нравится он мне или нет. Сильный или слабый. Свой или чужой. Теперь же мне впервые пришло в голову, что за каждым человеком есть целый мир, который я просто не вижу. А значит, первый вывод был самым простым: я слишком быстро думал, что понимаю людей.

Вечером, когда в камере стало тихо, я снова прокручивал разговор в голове. Седой говорил, что человека можно довольно быстро раскусить. Лютый предупреждал, что нельзя считать его полностью понятным. Цветок напомнил, что даже в плохом человеке может быть хорошее. Молчун вообще почти ничего не сказал, но его короткое «просто смотри» почему-то не выходило из головы. И всё это вроде бы было понятно. Но оставался один вопрос: если кто-то может обманывать других, то как понять, что он не обманывает самого себя?

В этот момент в голове прозвучал спокойный голос Старшего:

— Вот с этого и надо начинать.

— Я Вас ждал, — мысленно ответил я. — Я весь вечер размышляю о людях и, кажется, чем больше думаю, тем меньше понимаю.

— Это хороший признак.

— Почему?

— Потому что ты впервые заметил, насколько мало знаешь. Ты интересуешься, значит, надежда ещё есть. Ведь большинство уже не может посмотреть шире того, что им предлагает их учение.

Я помолчал.

— Седой говорит, что человека можно быстро раскусить. Лютый говорит, что нельзя быть уверенным. Кто из них прав?

— Оба. И оба не до конца.

— Как это?

— Человек действительно оставляет следы. В словах, жестах, взгляде, привычках, выборе вещей, даже в том, на что он не обращает внимания. Но не пытайся сделать из этого простую формулу. Увидел один признак, сделал вывод — и готово. Так ты сам себя обманешь.

— Тогда что делать?

— Наблюдать. Слушать. Сопоставлять. И никогда не торопиться с окончательным выводом.

Я вспомнил слова Лютого.

— Значит, человека нельзя считать полностью понятным?

— Нельзя. Пока он жив, он может изменить решение, цель, отношение, страх, желание. Даже сам себя человек иногда понимает только спустя годы.

— А как тогда понять, чего он хочет?

— Смотри не только на то, что он говорит. Смотри, ради чего он это говорит.

Я молчал.

— Человек редко показывает себя сразу, — продолжил Старший. — Но постоянно оставляет подсказки. Речь — одна из них. Слова человека представляют собой довольно точное описание его способа мышления.

— То есть достаточно внимательно слушать?

— Не только слушать. Смотри, что за словами. Почему он выбрал именно это слово? Что его задело? На чём он остановился? Что обошёл молчанием? Чего добивается?

— А если он специально меня запутывает?

— Значит, наблюдай ещё внимательнее.

Я улыбнулся.

— Получается, люди как шахматисты?

— Нет. В шахматах правила известны заранее. С людьми гораздо интереснее.

Он сделал небольшую паузу.

— И запомни ещё одно. Никогда не думай, что ты уже научился видеть человека насквозь. Как только решишь, что полностью его понял, ты перестанешь его видеть.

Голос затих.

Я ещё долго лежал в темноте. Я считал, что знание — это когда знаешь ответ. Оказалось, иногда настоящее знание начинается с признания, что ответа у тебя нет. В тот вечер я посмотрел на людей не как на знакомых, врагов или случайных прохожих, а как на отдельные миры. И, пожалуй, впервые осознал ещё одну вещь: чтобы научиться понимать других, сначала придётся научиться смотреть на самого себя.

* * *

Утро следующего дня началось с проверки. Обычная, но всё равно выматывающая: лязг замков, крики «К стене! Руки за голову!», выворачивают карманы, ощупывают одежду. Я стоял, смотрел в стену и вдруг поймал себя на мысли, что наблюдаю за надзирателями. Не как раньше — с раздражением, а с интересом. Один всё время хмурился, другой держал ключи так, будто они его тяготили. Третий вообще не смотрел на нас, будто нас здесь не было.

«*Каждый оставляет следы*», — вспомнил я слова Старшего.

После проверки я сел на подоконник, закурил и стал смотреть сквозь решётку. Просто смотреть. Я задумался о людях. «А если их не оценивать, не делить на своих и чужих? Просто наблюдать. Многое ли я увижу?».

Меня по жизни окружала музыка. Наушники и плеер всегда были при мне. А тут — тишина. Только какой-то старенький приёмник у Молчуна. Да и то непонятно, как ему удалось договориться с охраной. «А не стукач ли он?» — возник вопрос в голове.

Из приёмника доносилась какая-то старая советская песня. Я слушал её краем уха и каждый раз ловил себя на странном ощущении, будто эти голоса пришли откуда-то издалека.

— Так движухи не хватает, я бы музыку погромче включил. Для тонуса.

— Лучшая музыка — тишина. Но тебе до этого ещё дорасти надо, — обронил он, усмехаясь, но не злобно, а открыто и с любовью.

Я понял, что здесь мне нечего ловить. Остаётся слушать тишину. Или то, что захочет включить Молчун. Но мне не давал покоя вчерашний разговор. Я снова стал прокручивать в голове слова Седого и Лютого. Я понял, что мало просто наблюдать за людьми. Хотелось разобраться, как с ними разговаривать, как находить общий язык и как понимать, чего от тебя хочет человек. Поэтому за завтраком я снова решил расспросить сокамерников.

— Седой, а как тогда правильно с людьми общаться? Как понять, о чём с человеком говорить, что у него спрашивать? Я вчера так и не понял.

Седой посмотрел на меня и усмехнулся.

— Ты бы с этими вопросами не обращался. Зачем тебе эти сложности? В чём ты пытаешься разобраться? Ты хочешь ещё больше и окончательно запутаться? Живи проще. Поел, поспал, поболтал, в картишки поиграл — и день прошёл. Вот оно, счастье.

— А если я хочу научиться понимать людей? — не отступал я.

— А зачем тебе их понимать? — пожал плечами Седой. — Человек либо нормальный, либо нет. Поговоришь — сам поймёшь.

— А если человек мне неинтересен?

— Тогда не разговаривай.

Лютый усмехнулся:

— Не слушай его. Иногда разговор приходится вести даже тогда, когда тебе человек вообще неинтересен.

— А как тогда?

— Для начала не превращай разговор в допрос. Не надо с места в карьер: кто, откуда, сколько, зачем и почему. Человек ещё тебя не знает, а ты уже в душу полез.

— Тогда с чего начинать?

— С простого. Найди общую тему. Что-то, что интересно вам обоим, — и дальше разговор сам пойдёт.

— А если я не знаю, что ему интересно?

— Узнай.

— Как?

— Спрашивай. Только не пулемётом. Задал вопрос, выслушал ответ. Зацепился за что-нибудь — продолжил эту тему.

Цветок добавил:

— И не обязательно всё время рассказывать о себе. Иногда человек сам разговор поддержит, если почувствует, что тебе действительно интересно.

— А если он слишком много говорит?

— Значит, слушай, — усмехнулся Седой. — Тебе же лучше.

— И никогда не перебивать?

— Иногда можно, — сказал Лютый. — Но сначала пойми, зачем перебиваешь. Если просто хочется вставить своё слово — лучше промолчи.

Я задумался.

— А самому много рассказывать можно?

— Смотря кому, — ответил Лютый. — Не надо сразу выкладывать человеку всю свою жизнь. У тебя должна оставаться своя территория.

— То есть секреты не рассказывать?

— Особенно секреты.

— Даже если человек вроде нормальный?

— А что значит «вроде нормальный»? — усмехнулся Седой. — Ты вчера уже выяснял, что людей сразу не раскусишь.

Я улыбнулся.

— Ладно. Допустим, разговор получился. А как понять, когда его заканчивать?

— Когда всё сказано, — ответил Лютый. — Не надо из хорошего разговора делать жвачку. Лучше оставить человеку желание поговорить с тобой ещё раз.

— А если я хочу узнать что-то конкретное?

— Тогда заранее подумай, что именно хочешь узнать. И не суетись. Иногда человек сам скажет больше, чем ты у него собирался спрашивать.

Цветок кивнул:

— Главное — чтобы человеку было с тобой спокойно.

Я посмотрел на него:

— Почему?

— Потому что тогда он не будет всё время думать, что от него хотят.

Седой усмехнулся:

— Вот видишь, Серый. Хотел научиться разговаривать, а тебе опять целую науку придумали.

Все рассмеялись.

Я тоже улыбнулся, но про себя отметил несколько простых вещей: не лезть напролом, не говорить лишнего, заранее знать, чего хочешь от общения и, самое главное, не торопиться.

Седой ушёл на промзону, Лютый с Цветком опять начали что-то мастерить. А я лёг на своё место. Но меня не покидали мысли о Молчуне. Почему он во время беседы только смотрел на нас и изредка улыбался? И за всё время так и не проронил ни единого слова. Я свесился с верхней шконки к его нарам, решив всё-таки пообщаться с ним, чтобы понять, что он за перец. Ведь пока человек молчит, можно только догадываться, кто он. А в разговоре, в речи многое становится понятно.

— Молчун, а как ты сюда попал? — начал я с вопроса.

Он нехотя посмотрел на меня и произнёс:

— Смотрю, тебе заняться нечем. У меня тут завалялась пара книжек. Не хочешь почитать?

— Ну давай, — ответил я, вспомнив слова Старшего. — Только я не любитель литературы, — добавил я.

— А кто говорит про прозу? У меня все книги толковые, научные и исторические. Ну а если не понравится, можно заказать. Раз в неделю из библиотеки приносят журналы и книги. Так что не тушуйся, бери. Когда закончишь — вернёшь.

Он протянул мне книги и, немного помолчав, добавил:

— Хорошая книга не даёт готовых ответов. Она заставляет думать. Я сейчас в своих мыслях. Потом обязательно поговорим.

После этих слов он снова замолчал, будто разговор был окончательно закрыт.

«Ну что же, начало положено», — подумал я и забрался на свой второй ярус рассматривать книженции. Одна была про разведку, а вторая касалась мировой истории. Я с детства мало читал и, самое главное, медленно. Но здесь заняться было нечем. И я принялся читать. Как ни странно, первую книгу я прочитал быстро, за один присест. Она была про женщину, которая по заданию спецслужб вышла замуж за нелюбимого человека и в течение двадцати лет передавала от него информацию в органы.

«Да уж, — мысленно прикинул я. — Это не в заключении двадцать лет провести. Но тоже не сахар. Вот как надо любить Родину… И как человек способен столько лет жить чужой жизнью?»

После этого я решил пообщаться с соседями о прочитанном и узнать, что они об этом думают. К этому времени с промзоны вернулся Седой, так что все сокамерники были в сборе.

— А что вы думаете об этой женщине? Можно ли двадцать лет прожить с нелюбимым человеком ради задания?

— Можно, — первым ответил Лютый. — Если человек понимает, ради чего терпит. Одно дело — жить ради своей цели, другое — просто мучиться и не знать зачем.

— Я бы не смог, — усмехнулся Седой. — Двадцать лет! Да я бы через месяц сбежал. Или от неё, или её выставил.

Цветок улыбнулся:

— А может, она действительно любила Родину больше, чем себя. Не все способны на такое.

— Или просто привыкла, — возразил Седой. — Человек ко всему привыкает.

— А если она за эти двадцать лет стала совсем другим человеком? — спросил я. — Вышла замуж одна, а через двадцать лет уже не та, что была в начале. Получается, она всё это время жила чужой жизнью?

Лютый пожал плечами:

— Может, сначала чужой. Потом своей.

Я замолчал.

С одной стороны, мне было сложно представить, как человек способен столько лет сознательно терпеть нелюбимую жизнь. С другой — я сам только вчера впервые задумался о том, что такое двадцать лет. И теперь почему-то почувствовал, что у меня впереди может оказаться ещё более долгий путь, в котором я сам ничего не выбираю. Разговор постепенно сошёл на другие темы, но мысль о женщине-разведчице осталась у меня в голове.

Вечером, лёжа на шконке, я продолжил размышлять о том, в каких условиях я оказался. «Неужели в этих четырёх стенах мне предстоит находиться ещё два десятка лет жизни? Даже не представить». При этих мыслях я чуть не расплакался от понимания, что ничего не сделать, и придётся свыкаться и терпеть всё происходящее.

Потом я стал размышлять о сокамерниках. «Лютый» — нормальный пацан. Взрослый, ему уже за тридцать. Жизнь повидал. Да и ведёт себя уверенно, с позиции силы… Почему же он мне так приятен? Может, потому, что разделяет мои взгляды? А вот «Седой» какой-то мутный. Не «засланный» ли он? Притаился и сливает все разговоры да движения. Слыхал про одного такого: строчил каждый вечер отчёт обо всём, что происходило днём. Только через год вычислили. Спёкся.

Теперь я окончательно решил для себя, что надо чаще и внимательнее смотреть по сторонам. Раньше люди для меня были просто людьми: хороший, плохой, опасный, полезный. А теперь времени было достаточно, чтобы замечать мелочи. Кто как говорит. Кто когда замолкает. Кто постоянно играет роль. Кто боится. Кто пытается казаться сильнее, чем есть на самом деле.

Я уже собирался уснуть, как в голове прозвучал голос Старшего:

— Доброй ночи, Серый. Не спится?

— Да. Мыслей много.

— Понимаю. Поэтому и связался с тобой. Размышлять полезно. Но сейчас намного важнее не упустить время и не скатиться к бесцельному шатанию. Направь силы на себя — тогда и думать некогда будет.

— Это как?

— Займись телом и здоровьем. Здоровье даёт свободу. Бросай пагубные привычки и продолжай заниматься физкультурой. Ведь ты заглушаешь свои лучшие чувства, наносишь себе вред и не даёшь возможности им раскрыться. Я не пропагандирую быть трезвым. Это само собой разумеющееся. Разве может быть иначе?

Я молчал.

— Даже бросив курить, ты почувствуешь жизнь намного ярче. Без вредных привычек чувства становятся острее и полнее. Трезвость — это показатель разумности и умения владения своим телом. Посмотри, во что ты себя превратил. Тебе это нравится?

— Конечно, сейчас я здоровый и сильный.

— Сейчас. Но это временно. Пойми одно — прошлые заслуги рано или поздно исчерпаются. Если ничего не менять, начнётся деградация.

— И что же делать?

— Начни с основного. Режим дня и строгая дисциплина. Здесь уже воля нужна, а можно и на характере начать. Ты должен обрести власть над своим телом. Поэтому просто делай то, что я буду говорить. Упражнений много. Со временем ты их освоишь.

— А мне времени-то хватит?

Всеволодович рассмеялся.

— Конечно. Я не призываю изматывать себя множеством практик. Дело не в количестве и длительности упражнений, а в регулярности и качестве. Главное — осознанность. Всё очевидно, всё просто. Конечно же, должно быть и духовное развитие, для этого есть специальные упражнения.

— Духовное развитие? — удивлённо спросил я.

— До него мы ещё дойдём. Для тебя лучше начать с тела — так быстрее доходит. Тем более чтение и размышление над прочитанным тоже относятся к духовному развитию. Там тоже главенствует осознанность.

— А что в итоге? Я стану сверхсильным?

— Не надо быть сильнее, чем ты есть. Ты ещё себя не знаешь. Прежде чем мечтать стать сверхчеловеком, надо для начала стать человеком.

Эта фраза мне запомнилась.

— На повестке дня твоё тело. Не торопись. Всё успеешь. Вся соль в ежедневной тренировке. Есть то, что просто необходимо выполнять каждый день. Надо быть последовательным, целеустремлённым, настойчивым, верить и мечтать. Для этого нужно иметь в голове образ того, к чему ты движешься. Задача — научиться программировать самого себя.

— И сколько времени на это потребуется?

— Не жди быстрых изменений. Образ надо формировать и укреплять продолжительное время. Поэтому нужны ежедневные повторения. И это не должно быть тяжёлой повинностью или наказанием. Со временем это станет в радость. Ты будешь с нетерпением ждать нового дня и новой тренировки. Один раз осознаешь, потом за уши не оттянешь… Подумай, чего ты хочешь достичь. Какими качествами хочешь обладать? — продолжил Дмитрий Всеволодович.

И я сразу вспомнил о бесконтактном бое. О том, как хотел бы наносить удары, не касаясь противника.

— Чувствую, что ты опять вспоминаешь о моём ударе, — сказал Старший. — То, чего ты желаешь, и то, что тебе действительно нужно, — разные вещи. Поэтому повторю: делай то, что я говорю. Когда наступит время, ты сможешь намного больше, чем видел. Так что занимайся.

— Понял. Завтра же начну.

— Не откладывай. Завтра может не наступить. Да и сегодня ещё не закончилось… Про растяжку перед сном не забыл?

— Нет, — соврал я, уже понимая, что эти упражнения совершенно вылетели у меня из головы.

— Пойми, в твоей ситуации лучше начать с физики. В растяжке тяжелы только первые секунды, потом наступает радость. Займёмся первым телом матрёшки. Начнём с физического тела. Это только первый уровень. Остальное тебе пока знать рано.

Он взял паузу и продолжил:

— Ты здоровый, но этого мало. Необходим минимум, чтобы запустить процесс. Научившись управлять одним телом, ты получишь возможность управлять всеми остальными. Но сейчас забивать этим голову бессмысленно.

Я немного помолчал, переваривая услышанное. Слишком уж необычно всё это звучало.

— Вы всё это сами придумали? Откуда Вы знаете, что это работает?

— Я не просто говорю, повторяя чужие слова. Я через это прошёл. Отдыхай. Спокойной ночи и приятных снов.

Голос затих.

Я повернулся на бок, расслабился и закрыл глаза в предвкушении сна. «Наверное, Старший прав», — подумал я. Особенно насчёт вредных привычек. А с чего вообще началось моё употребление алкоголя, сигарет и отравы? И к чему всё это привело? Я крепко задумался… Познакомился с девушкой. Выпил. Начал пропускать тренировки. Потом просто перестал выдерживать нагрузки. Да и в конце концов вовсе бросил заниматься. Я думаю, у многих было подобное. Мужчины не всегда могут устоять перед женскими чарами, особенно если влюблены. Наверное, я не один такой. Но даже одно неверное решение иногда может привести к очень тяжёлым последствиям.

С этой мыслью я незаметно уснул.

* * *

Проснулся я резко, всё тело было в холодном поту. В голове ещё звучали страшные, будто нечеловеческие крики, а перед глазами проплывали искорёженные лица людей, и в каждом из них была какая-то ярость и злоба, которые словно давили со всех сторон.

Вспомнив вчерашний разговор со Старшим, я вскочил со шконки и начал неистово отрабатывать двойки и тройки, чередуя их приседаниями и отжиманиями. Ведь здоровье у меня было ого-го, да и нагрузки всегда давались легко.

Вспомнился тренер по боксу и его любимая фраза: «Отдыхаем в беге». Ребята, которые занимались со мной в зале, от этого, конечно, напрягались, а мне было в радость. Дыхалка была что надо. Поэтому и на ринге я всегда был на высоте и творил чудеса.

Конечно, хотелось пробежаться. Но, похоже, пробежки придётся отложить на пару десятков лет. А мои любимые подтягивания я мог делать только в прогулочном дворике, так как в камере вариантов не было.

После утренней тренировки я лёг на нары, закурил сигарету и взялся за книгу про историю Великой Отечественной войны, которую мне дал Молчун. Мои соседи сидели за столом и трещали о чём-то под картишки.

— Хватит там фигнёй страдать, — обратился ко мне Лютый. — Ай да к нам, пообщаемся. Ещё будет время почитать.

— Да уж, точно будет, — поддержал его Седой. — Бросай книгу и присаживайся. Я сейчас тебе разъяснительную работу проведу.

Я потушил сигарету, отложил книгу и присоединился к сокамерникам.

— Не доверяю я книгам, — начал Седой. — Ни в одной не нашёл ответ.

— Так не зря же их пишут. Наверное, есть в этом толк, — произнёс я.

— Мало ли чего в книжках написано. Писать и говорить можно о чём угодно. Не мне тебе объяснять. Языком молоть — не мешки ворочать.

Он раздал очередную партию картишек и, немного помедлив, продолжил:

— Вот тебе случай. Посоветовали книгу. Мол, интересная. Прочитал, но она не понравилась. Пустая трата времени. Думал, дело во мне, в моём опыте и понимании. Что чего-то не достаёт. Поэтому решил вернуться к книге ещё раз, но через большой промежуток времени. Прошло лет десять, наверное… — почёсывая затылок и подняв глаза вверх, добавил он.

— И что? — с нетерпением спросил я.

— Я читал её внимательно, не торопясь, пытаясь увидеть, что пропустил или не заметил. Но с годами она не стала лучше.

Все дружно рассмеялись.

— Читая чужую голову, постепенно начинаешь думать, что она твоя. Вот в чём опасность. Особенно если сам ещё не знаешь, чего хочешь.

Я задумался. Получается, книга может не только дать человеку что-то новое, но и незаметно заставить смотреть на мир чужими глазами.

— Не книга виновата, если у человека своей головы нет, — возразил Лютый.

Он немного помолчал и добавил:

— Можно телевизор смотреть и дураком стать. Можно книжку читать и умнее становиться. Всё зависит от того, что ты из этого берёшь.

— Не всё же в жизни должно быть полезным, — спокойно добавил Цветок. — Иногда человеку просто надо что-нибудь хорошее прочитать, чтобы не очерстветь.

— А разве это не польза? — спросил я.

— Наверное, польза бывает разная, — улыбнулся Цветок.

Седой усмехнулся:

— Читая, ты живёшь в чужих мирах. Но у тебя должно быть своё представление о реальности. А то отголоски того, что ты прочитал и что показалось тебе близким, а значит, ты это принял, начинают влиять на тебя. Есть множество людей, которые беспрекословно верят книгам и делают их своими убеждениями.

— Ты опять за своё, — вмешался Лютый. — На всех-то не наезжай.

— Согласен, — подключился к беседе Цветок. — Есть священные писания… Да и вообще лёгкие рассказы на пару поездок в электричке.

— А у бульварных книг вообще нет смысла, — продолжал отстаивать свою позицию Седой. — Они прожигают жизнь, — нервно произнёс он.

— Так можно обо всём говорить: и телевидение, и радио, и газеты, — добавил я.

— Думаю, мой семейник имел в виду другое, — стал сглаживать углы Лютый. — Стоило ли время, потраченное на её чтение? Была ли в этом польза? Нет, это не значит, что ты зря её прочитал. История должна быть интересной. Если она не такая, не надо себя мучить. А если нравится — читай. Только не пудри мозги прочитанным другим.

Разговор был окончен, а у меня возник только один вопрос: неужели люди и вправду безоговочно верят тому, что написано в книгах? Ведь некоторые готовы жить по написанному, не задавая лишних вопросов. И в конце концов можно расшибить голову из-за книги, которая всю жизнь вела тебя за собой.

Перед выходом в прогулочный дворик я очень медленно и осторожно надел полуваленки, так как каким-то непостижимым образом умудрился за прошлый день натереть от новой обуви мозоли на больших пальцах обеих ног, и они при каждом шаге напоминали о себе. Передвигаться было возможно, но не особо удобно. Я подошёл к турнику и стал подтягиваться, стара-

ясь сделать как можно больше, до жжения в предплечьях. Старшего во дворе опять не было. А у меня с утра к нему было множество вопросов. Поэтому я решил сам его найти.

После прогулки я заглянул в камеру к Всеволодовичу.

— Ты что здесь забыл? — удивлённо произнёс лидер, увидев мою улыбающуюся физиономию. — Я же сказал не появляться у меня.

— Было столько вопросов, что я не удержался… — начал было я.

— А что хромаешь? Ноги, что ли, отбил?

— Нет. Натёр мозоли.

— А-а… Это мелочи, — ровно и даже снисходительно ответил Всеволодович и махнул рукой. — Снимай свои валенки. Щас всё исправим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.